

Jus strictum

Основан в 2010 г.

№ 1
2025

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

До июня 2024 года журнал выходил под названием «Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки».

Включен в Перечень ВАК, входит в РИНЦ, доступен в Crossref.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации серия ПИ № ФС77-76950 от 09 октября 2019 г.).

Подписной индекс в каталоге «Пресса России»: 45079.

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020, Россия, Самарская область, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14
Тел.: **(8482) 44-91-74**
E-mail:
vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт:
<https://vektornaukipravo.ru>

Подписано в печать 27.03.2025.
Выход в свет 31.03.2025.
Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая.
Усл. п. л. 4,8.
Тираж 25 экз. Заказ 3-81-25.
Цена свободная.

Адрес издателя, типографии:
Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, Самарская область, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, д. ф.-м. н., профессор

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, д. ю. н., доцент

Редакционная коллегия:

Азарёнок Николай Васильевич, д. ю. н., доцент

Дежнев Александр Сергеевич, д. ю. н., доцент

Дуюнов Владимир Кузьмич, д. ю. н., профессор

Ирошников Денис Владимирович, д. ю. н., доцент

Кленова Татьяна Владимировна, д. ю. н., профессор

Лазарева Валентина Александровна, д. ю. н., профессор

Ланг Петр Петрович, д. ю. н., доцент

Муравьев Кирилл Владимирович, д. ю. н., доцент

Насонова Ирина Александровна, д. ю. н., профессор

Некрасов Александр Петрович, д. ю. н., профессор

Россинский Сергей Борисович, д. ю. н., доцент

Рябинина Татьяна Кимовна, д. ю. н., профессор

Субочев Виталий Викторович, д. ю. н., профессор

Суменков Сергей Юрьевич, д. ю. н., доцент

Трофимов Василий Владиславович, д. ю. н., доцент

Хужин Альфир Мисхатович, д. ю. н., доцент

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, директор Института права (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Азарёнок Николай Васильевич, доктор юридических наук, доцент, директор Института юстиции, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова (Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия).

Дежнев Александр Сергеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса (Омская академия МВД Российской Федерации, Омск, Россия).

Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Ирошников Денис Владимирович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия).

Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Ланг Петр Петрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса (Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия), судья (Арбитражный суд города Москвы, Москва, Россия).

Муравьев Кирилл Владимирович, доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского центра (Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, Орел, Россия).

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса (Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Некрасов Александр Петрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Самарский юридический институт ФСИН России, Самара, Россия).

Росинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии (Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики (Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Субочев Виталий Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного регулирования (Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, Москва, Россия).

Суменков Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Государственно-правовые дисциплины» (Пензенский государственный университет, Пенза, Россия).

Трофимов Василий Владиславович, доктор юридических наук, доцент, начальник Научно-исследовательского центра государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права (Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия).

Хужин Альфир Мисхатович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса (Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

О реализации правоохранительной функции государства в уголовном процессе Вершинина С.И.	7
О функциональном разграничении полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве Корчагина К.А.	15
Следственные действия как способы собирания и формирования доказательств Лазарева В.А.	23
Некоторые особенности в обязательствах сторон по договору аренды Маштаков И.В.	31
НАШИ АВТОРЫ	40

CONTENT

On the implementation of the law enforcement function of the state in criminal procedure Vershina S.I.	7
On the functional delimitation of the powers of the prosecutor in criminal proceedings Korchagina K.A.	15
Investigative actions as methods of collection and formation of evidence Lazareva V.A.	23
Some special aspects in the obligations of the parties to the lease agreement Mashtakov I.V.	31
OUR AUTHORS	40

О реализации правоохранительной функции государства в уголовном процессе

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, директор Института права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

E-mail: svetlana-vershinina@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3501-3632>

Поступила в редакцию 24.01.2025

Пересмотрена 25.02.2025

Принята к публикации 27.02.2025

Аннотация: В статье представлено авторское видение организации сбалансированного досудебного производства на основе функционального разграничения деятельности государственно-властных субъектов, обеспечивающих исполнение публично-правовых обязанностей государства в уголовном процессе. Анализируя деятельность органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ОРД), органов предварительного расследования и прокурора в досудебном производстве, автор исходит из направленности их деятельности на обеспечение интересов государства в борьбе с преступностью при использовании различных форм государственно-властной деятельности – раскрытия преступлений, расследования преступлений и уголовного преследования виновных лиц. Взаимодействие государственных органов по раскрытию и расследованию преступлений и их общая нацеленность на установление обстоятельств совершенного деяния позволили критически оценить действующие нормы УПК РФ, исключая ОРД и ее результаты из предмета уголовно-процессуального регулирования, и обосновать вывод о целесообразности объединения этих видов деятельности в одной уголовно-процессуальной функции – функции раскрытия и расследования. Отсутствие правового регулирования деятельности прокурора по осуществлению уголовного преследования в досудебном производстве и отсутствие правовых норм, регламентирующих порядок формирования и выдвижения государственного обвинения, позволили обосновать вывод о необходимости функционального обособления уголовного преследования в качестве самостоятельного направления деятельности – функции уголовного преследования. На основании полученных результатов предложена правовая модель реализации правоохранительных уголовно-процессуальных функций в досудебном производстве, включающая: 1) функцию раскрытия и расследования преступлений, объединяющую два вида государственно-властной деятельности – раскрытие преступлений органами, осуществляющими ОРД, и расследование преступлений органами предварительного расследования, при руководящей роли последних; 2) функцию уголовного преследования, осуществляемую прокурором посредством формирования и выдвижения государственного обвинения и последующего инициирования судебного разбирательства по уголовному делу. На основе представленной классификации правоохранительных функций уголовно-процессуальной деятельности делается вывод о необходимости законодательного переструктурирования досудебной части уголовного процесса.

Ключевые слова: правоохранительная функция государства; правоохранительные уголовно-процессуальные функции; оперативно-розыскная деятельность; непроцессуальная деятельность; процессуальная деятельность; раскрытие и расследование преступлений; расследование преступлений; уголовное преследование.

Для цитирования: Вершинина С.И. О реализации правоохранительной функции государства в уголовном процессе // Jus strictum. 2025. № 1. С. 7–13. DOI: 10.18323/3034-2945-2025-1-60-1.

ВВЕДЕНИЕ

В российской уголовно-процессуальной науке не ставится под сомнение тезис о необходимости обеспечения в уголовном судопроизводстве баланса публичных и частных интересов [1; 2]. В данном аспекте баланс судопроизводства понимается как уравновешенность интересов отдельного человека, как правило, обвиняемого по уголовному делу, и интересов государства и общества. Вместе с тем, если исходить из первичности публично-правовой природы российского уголовного процесса и рассматривать уголовный процесс как учреждаемую государством социально-правовую институционально-функциональную систему, направленную на достижение целей уголовного правосудия, то очевидно, что такая система также нуждается в уравновешивании составляющих ее публично-правовых частей и элементов. Учитывая, что достижение целей судопроизводства – это результат деятельности раз-

личных органов государственной власти и их должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, т. е. осуществляющих различные уголовно-процессуальные функции, то логично данные функции рассматривать в качестве основных элементов системы публичного уголовного судопроизводства, обуславливающих устойчивость, целостность и самодостаточность уголовного процесса как системы. В этой связи тезис о балансе уголовно-процессуальных публично-правовых функций вызывает несомненный интерес.

Анализируя действующий УПК РФ относительно согласованности правовых предписаний и их достаточности для формирования институционально-функциональной структуры уголовного процесса в части юридического оформления уголовно-процессуальных функций, приходим к однозначному выводу о ее разбалансированности, о наличии явных дефектов в публично-правовой

основе уголовного процесса, особенно остро проявляющихся в досудебной части уголовного производства, а именно: отсутствия четко обозначенных направлений деятельности и целей должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу; неопределенности их роли и места в системе уголовного судопроизводства; дублировании процессуальных полномочий; отсутствия правовой регламентации уголовного преследования и т. д. Как верно отметил С.Б. Россинский, произошла разбалансировка процессуальных функций органов предварительного расследования, прокурора и суда, утрачено разумное соотношение их полномочий [3]. Одна из причин сложившейся ситуации в том, что действующий УПК РФ «структурирован в полном соответствии с давно устаревшей моделью смешанного типа уголовного судопроизводства» [4, с. 37], при этом «требованию состоятельности судопроизводства придали максимально широкое значение, охватывающее не только судебные, но и досудебные стадии уголовного процесса» [5, с. 132].

Поддерживая данные утверждения, полагаем, что есть и другая, не менее значимая причина, заключающаяся в игнорировании взаимосвязи уголовно-процессуальных функций в досудебном производстве и публично-правовых обязанностей государства по обеспечению правопорядка, предупреждению и пресечению преступлений, наказанию лиц, совершивших преступления. Указанные публично-правовые обязанности получили законодательное признание в уголовно-процессуальном законодательстве еще во времена первой судебной реформы 1864 г. в качестве задач государства по изобличению и наказанию виновных¹. В УПК РСФСР 1960 г. они обозначены как задачи уголовного судопроизводства быстро и полно раскрывать преступления, изобличать виновных и обеспечивать правильное применение закона (ст. 2). Действующий же УПК РФ отказался от закрепления публично значимых обязанностей и задач, обозначив уголовное преследование и справедливое наказание как назначение уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 6), что вступает в противоречие с устоявшимся пониманием государственной правоохранительной функции по борьбе с преступностью [6–8], реализация которой осуществляется в том числе в сфере уголовного судопроизводства [9], посредством раскрытия и расследования преступлений, изобличения и наказания виновных лиц.

Значительная часть ученых, занимающихся данной проблематикой, уже высказались о необходимости существенного реформирования досудебной части уголовного процесса [10–12], предлагая различные варианты решения. Как мы полагаем, ключевым фактором совершенствования уголовного судопроизводства в его досудебной части должно стать устранение дублирования, противоречий и пробелов в правовой регламентации деятельности органов государственной власти по раскрытию преступлений, расследованию преступлений и уголовному преследованию виновных лиц посредством обозначения четких контуров осуществляемых ими уголовно-процессуальных функций, обеспечивая тем самым эффективность всего производства по уголовному делу.

Цель исследования – построение правовой модели досудебного уголовного производства, в основе которой лежит сбалансированная институционально-функциональная система государственных органов и должностных лиц, осуществляющих государственные обязанности по раскрытию и расследованию преступлений и уголовному преследованию.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В основе исследования лежит дедукционный способ познания, предполагающий получение новых знаний посредством рассуждений от общего понятия к частному. Взяв в качестве общего объекта познания конституционные обязанности государства по раскрытию и расследованию преступлений и уголовному преследованию виновных лиц и подвергнув детальному анализу их гипотетическую реализацию, мы выявили существенные связи и обусловленности, присущие всем видам государственной правоохранительной деятельности, которые позволили критически оценить действующую систему организации уголовного судопроизводства в его досудебной части и построить оптимальную институционально-функциональную модель досудебного производства, способную обеспечить эффективное исполнение органами государственной власти возложенных на них полномочий, обеспечивая сбалансированность публично-правовой системы уголовно-процессуальной деятельности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Уголовно-процессуальные функции как результат дифференциации государственной правоохранительной функции по борьбе с преступностью

Государственные функции как «направления деятельности, которые должно осуществлять государство, чтобы решать стоящие перед ним задачи и достигать поставленных целей» [13, с. 89], осуществляются в различных сферах общественной жизни в форме регламентированных законами видов государственно-властной деятельности, в том числе в сфере уголовного судопроизводства. Реализация правоохранительной функции как реакции государства на совершенное преступление происходит в соответствии с нормами уголовно-процессуального и иного законодательства, регламентирующего следующие виды государственно-властной деятельности: раскрытие преступлений, расследование преступлений, уголовное преследование и наказание виновных лиц. Каждое направление деятельности, сохраняя правоохранительную сущность родового объекта, отличается от других видов по целям, задачам, содержанию и уполномоченным субъектам, а их осуществление в рамках производства по уголовному делу придает им уголовно-процессуальную значимость и позволяет рассматривать в качестве правоохранительных (государственно-властных) уголовно-процессуальных функций.

Обосновывая доктринальное определение уголовно-процессуальных функций, ученые традиционно исходят

¹ Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая // Классика российского права. «Консультант Плюс». URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/118/10.html#img11>.

из многозначности данного понятия² и в качестве критериев разграничения функций указывают разные факторы. В одних случаях критерием выступают задачи уголовного процесса [14] или деятельность компетентных органов, ведущих производство по уголовному делу [15], в других за основу берутся цели, достигаемые в производстве по уголовному делу [16]. Высказан и более широкий, так называемый «синтетический» подход, в котором процессуальные функции рассматриваются как направления деятельности участников процесса [17]. В современной теории уголовного процесса уголовно-процессуальные функции обусловлены содержанием принципа состязательности сторон, в связи с чем выделяют функции защиты, обвинения и разрешения уголовного дела. Учитывая, что данная концепция ориентирована прежде всего на организацию судебной деятельности, ее необоснованное «внедрение» в досудебное производство привело к неоправданному отождествлению понятий «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство» и в целом к отрицанию правоохранительной сущности уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве. Соответственно, правовая регламентация полномочий органов расследования и прокурора не получила должного оформления как правоохранительных уголовно-процессуальных видов деятельности. Более того, раскрытие преступлений полностью исключено из отраслевого уголовно-процессуального регулирования, хотя оперативно-розыскные органы, как и органы предварительного расследования, во-первых, наделены полномочиями по установлению обстоятельств противоправных деяний и причастных к ним лиц (ст. 2 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»), во-вторых, признаются ст. 40 УПК РФ в качестве органов дознания, т. е. участников уголовного судопроизводства.

Не имеет завершенности и правовая регламентация деятельности по расследованию преступлений, как в части содержания и целей деятельности органов расследования, так и относительно видов и полномочий органов, осуществляющих расследование. Еще сложнее ситуация с функцией уголовного преследования, возложенной Конституцией РФ на органы прокуратуры (ст. 129 Конституции РФ), но осуществляемой в соответствии с УПК РФ не только прокурором, но и органами предварительного расследования и другими участниками, действующими со стороны обвинения. При этом, какими полномочиями по уголовному преследованию наделяется каждый из них и насколько указания прокурора в рамках рассматриваемой функции обязательны для остальных участников, УПК РФ не разъясняет, как и не дает однозначного определения уголовного преследования.

Учитывая, что должностными лицами, осуществляющими в досудебном производстве государственно-властные правоохранительные функции раскрытия преступлений, расследования преступлений и уголовного преследования, являются прокурор, органы предварительного следствия и органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность (ОРД) в статусе органа дознания, а функции участника процесса первичны по

отношению к его процессуальному положению [14], сложившаяся ситуация рассогласованности правоохранительной направленности деятельности с процессуальными полномочиями государственного должностного лица порождает двусмысленность в их отношениях с другими участниками и в целом отражается на легитимности уголовного судопроизводства.

Рассмотрим в качестве примера вопрос, активно обсуждаемый в уголовно-процессуальной науке, – отнесение следователя, дознавателя к участникам стороны обвинения, что обуславливает цель их деятельности – обвинение лица, совершившего преступление. Признать данное утверждение верным не позволяет то, что помимо обвинительных форм окончания предварительного расследования закон допускает и другие, в том числе завершающиеся прекращением уголовного дела (преследования) по реабилитирующим основаниям, которые также являются законным результатом их деятельности. Соответственно, определяя цель органа расследования в рамках уголовно-процессуальной функции расследования преступлений, следует ориентироваться на то, чем должна завершаться его деятельность и что является обязательным для любых форм окончания предварительного расследования.

Учитывая, что предмет деятельности органа расследования составляют обстоятельства совершенного преступления, устанавливаемые им в процессе доказывания, в качестве цели деятельности следователя, дознавателя следует рассматривать не ту или иную форму окончания расследования (обвинение или прекращение преследования), а то, что предшествует принятию процессуального решения, – формирование доказательственной базы, достаточной для установления обстоятельств совершенного деяния и их правовой квалификации. Такой вывод следует в том числе из положений УПК РФ, обязывающих следователя произвести необходимые следственные действия и сформировать доказательственную базу, достаточную для принятия процессуального решения об окончании расследования. Следует отметить, что на формирование доказательств как цели расследования указывали и другие ученые [18].

Сказанное однозначно свидетельствует об ошибочности отнесения следователя и дознавателя к участникам стороны обвинения. Объясняя позицию законодателя, С.Б. Россинский отмечает, что обвинительный уклон в деятельности органов расследования возник с формированием советской системы уголовного судопроизводства, в то время как до 1917 г. решения о выдвижении официального обвинения и завершении досудебного производства с дальнейшим преданием обвиняемого суду фиксировались в едином процессуальном документе – обвинительном акте, а полномочиями по его составлению наделялась прокуратура [19]. Исправление допущенной ошибки не только позволит устранить противоречия в уголовно-процессуальном статусе органа расследования, но и восстановит статус прокурора как государственного обвинителя, предоставив ему полномочия по формированию и утверждению государственного обвинения в досудебном производстве.

Сегодня органы прокуратуры согласно Конституции РФ (ст. 129) являются единственным органом уголовного преследования, но, к сожалению, роль прокурора в осуществлении данной функции в досудебном

² Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1280 с. С. 98.

производстве остается вне правового регулирования. Передача прокурору полномочий по составлению обвинительного заключения (акта, постановления) на основе материалов завершеного предварительного расследования решит ряд проблем, существующих многие десятилетия: исключит двойственность в правовых статусах должностных лиц, участвующих в досудебном производстве; устранил дублирование процессуальных статусов подозреваемого и обвиняемого [20], при условии что статус обвиняемого лицо приобретает при утверждении прокурором обвинения; придаст исходящему от органа расследования «предварительному» обвинению характер государственного обвинения, выдвигаемого прокурором от имени Российской Федерации; и, конечно, вызовет реструктуризацию досудебного производства в части обособления отдельной стадии, в рамках которой прокурор формирует государственное обвинение и выдвигает (предъявляет) его лицам, чья виновность подтверждается достаточной совокупностью имеющихся доказательств.

Исключение органов расследования из круга субъектов, осуществляющих уголовное преследование, не препятствует следователю, дознавателю в ходе предварительного расследования принять решение о придании лицу статуса подозреваемого при наличии соответствующих оснований, указывающих на его причастность к совершенному деянию, либо решать вопросы о применении меры пресечения или других мер процессуального принуждения, учитывая, что принудительные меры применяются не в целях изобличения, наказания или наступления иных неблагоприятных последствий для участников судопроизводства, а в целях обеспечения надлежащего поведения участников судопроизводства при производстве по уголовному делу и при наличии оснований полагать, что они могут нарушать либо уже нарушили установленный законом порядок.

Правовая модель реализации уголовно-процессуальных функций в досудебном производстве

Проведенный анализ правоохранительных видов уголовно-процессуальной деятельности позволяет построить оптимальную модель досудебного производства, содержание которой обусловлено осуществляемыми функциями: 1) функцией раскрытия и расследования преступлений; 2) функцией уголовного преследования.

1. Функция раскрытия и расследования преступлений. Обнаружение признаков деяния, запрещенного уголовным законом, является основанием для начала правоохранительной государственно-властной деятельности. Получение информации о совершении преступления первоначально ставит задачу раскрыть преступление по «горячим следам», т. е. выяснить обстоятельства совершения деяния и установить причастных лиц. При этом установить причастных лиц необходимо в кратчайшие сроки, особенно когда речь идет о деяниях, имеющих явный общественно опасный характер. Для этих целей создаются органы, осуществляющие государственную функцию по раскрытию преступлений, цель которых – оперативно установить обстоятельства совершенного деяния и выявить лиц, их совершивших. Очевидно, что своевременное, полное и достоверное получение информации об обстоятельствах совершенного деяния имеет решающее значение, так как позво-

ляет в максимально короткие сроки принять меры для пресечения совершаемых и предотвращения последующих преступных действий. Именно такой смысл вкладывает законодатель в термин «раскрытие преступлений», возлагая эту функцию на органы, осуществляющие ОРД, которые одновременно наделяются полномочиями органа дознания (ч. 1 ст. 40 УПК РФ). Учитывая, что ОРД по возбужденным уголовным делам осуществляется одновременно с предварительным расследованием и под процессуальным руководством органа расследования, а результаты ОРД могут использоваться в процессе доказывания, если «отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам» (ст. 89 УПК РФ), полагаем целесообразным раскрытие и расследование преступлений объединить и рассматривать в рамках одной уголовно-процессуальной функции раскрытия и расследования преступлений с установлением руководящей роли органа расследования.

Доминирующая роль органа расследования обусловлена следующим. Когда преступление раскрыто, т. е. установлены лица и обстоятельства его совершения, то следующим логическим шагом является применение к нарушителям мер юридической ответственности. В правовых государствах, которым является и Российская Федерация, применение уголовной ответственности – прерогатива судебной власти: обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет установлена вступившим в силу приговором суда (ст. 48 Конституции РФ). Обозначенный Конституцией РФ принцип презумпции невиновности обуславливает необходимость появления следующей уголовно-процессуальной функции – функции предварительного расследования, содержание которой хотя и связано с установлением обстоятельств совершенного преступления, но, в отличие от раскрытия преступления, достигается в иной форме, а именно посредством формирования доказательственной базы, достаточной для установления предмета доказывания. В этом принципиальное отличие раскрытия преступлений от расследования преступлений и в этом же их предметное единство, обуславливающее необходимость взаимодействия оперативно-розыскных органов и органов расследования при руководящей роли последних в достижении целей досудебного производства по уголовному делу.

Очевидно, что органы расследования без оперативного сопровождения не смогут сформировать доказательственную базу, достаточную для всестороннего, полного и объективного установления обстоятельств совершенного деяния. Данный факт был понятен юристам советского периода, отмечавшим, что «функция исследования обстоятельств дела включает в себя как составную часть полное раскрытие преступления» [14, с. 12], но отрицается действующим УПК РФ, устанавливающим границы между так называемой «непроцессуальной» и процессуальной деятельностью. Такой подход непонятен, тем более что отдельные оперативно-розыскные мероприятия получили уголовно-процессуальную «прописку», например, прослушивание телефонных переговоров трансформировалось в следственное действие «контроль и запись переговоров» (ст. 186 УПК РФ), снятие информации с технических каналов связи – в следственное действие «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» (ст. 186.1 УПК РФ) и т. д.

2. Функция уголовного преследования. Завершив раскрытие и расследование преступления и сформировав достаточную совокупность доказательств для юридической квалификации содеянного, можно обозначить судебные перспективы уголовного дела и целесообразность уголовного преследования. Полагаем, что по последовательности осуществления уголовно-процессуальных функций уголовное преследование не может начаться ранее, чем собрана достаточная совокупность доказательств, подтверждающая преступность деяния. Аналогичного мнения придерживались юристы в XIX в., указывая, что необходимо возбуждать уголовное преследование во всех случаях, где есть состав наказуемого деяния³. Соответственно, если при окончании предварительного расследования собраны доказательства, на основании которых можно сделать вывод о наличии состава преступления и виновности лица, то следователь, дознаватель завершают расследование и передают материалы уголовного дела прокурору как должностному лицу, на которого Конституцией РФ возложена функция уголовного преследования.

Прокурор, получив результаты расследования и установив наличие состава преступления, принимает решение о начале уголовного преследования. Наличие состава преступления – важный юридический факт, установление которого инициирует следующую уголовно-процессуальную функцию – уголовное преследование. Если допустить наличие состава преступления и, как следствие, начало уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела либо на ранних этапах предварительного расследования, когда отсутствует достаточная совокупность доказательств, то вряд ли можно гарантировать, что начатое таким образом уголовное преследование дойдет до своего логического завершения – применения мер уголовной ответственности. В связи с этим допускаемое действующим УПК РФ отождествление уголовного дела и уголовного преследования вряд ли является верным: возбуждение уголовного дела свидетельствует о начале государственно-властной деятельности по установлению обстоятельств совершенного деяния, запрещенного уголовным законом, а уголовное преследование начинается тогда, когда достоверно установлен состав преступления.

Конечно, потребуются законодательная дефиниция уголовного преследования как самостоятельной уголовно-процессуальной функции прокурора, содержание которой составляют полномочия по формированию обвинения, его выдвижению (предъявлению) виновным лицам и поддержанию в судебном разбирательстве. Соответственно этому выстраиваются этапы осуществления уголовного преследования: 1) в досудебном производстве – формирование государственного обвинения и его предъявление или выдвижение, 2) в судебном производстве – поддержание государственного обвинения.

Правовая регламентация осуществляемого прокурором государственного обвинения необходима. Как это ни парадоксально, но в действующем УПК РФ таких

положений нет. Традиционно считается, что все происходящее в досудебном производстве имеет предварительный характер, в том числе утверждения об обвинении лица. Аналогично оценивается итоговый акт расследования – обвинительное заключение (акт, постановление), который хотя и утверждается прокурором, но также имеет предварительное значение. О государственном обвинении речь идет только в ч. 3 ст. 37 и ч. 4 ст. 246 УПК РФ, возлагающих на прокурора (прокуроров) полномочия по поддержанию государственного обвинения; в остальных положениях закона термин «государственный» применительно к обвинению отсутствует. Даже в судебном следствии подсудимому выдвигается не государственное обвинение, как это должно быть, а обвинение (ч. 1 ст. 273 УПК РФ). Полагаем, это существенное упущение законодателя, требующее скорейшего устранения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Установленный УПК РФ порядок уголовного судопроизводства с точки зрения эффективной организации государственно-властной деятельности уполномоченных субъектов нельзя признать удачным. Основная проблема заключается в том, что уголовно-процессуальные функции правоохранительной направленности, осуществляемые должностными лицами, ведущими производство по уголовному делу в досудебной части уголовного процесса, не нашли своего закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве, что привело к нарушению взаимосвязей, существующих между должностными лицами, представляющими государство в уголовном процессе, и интересами государства в правоохранительной сфере.

Решение проблемы мы видим в законодательном переструктурировании досудебного производства посредством выделения под каждую правоохранительную уголовно-процессуальную функцию отдельной стадии, в границах которой государственно-властное должностное лицо реализует полномочия, предоставленные ему для достижения функциональной цели:

1) на первой стадии досудебного производства орган расследования совместно с органами ОРД осуществляет уголовно-процессуальную функцию раскрытия и расследования преступления;

2) на второй стадии досудебного производства прокурор осуществляет уголовно-процессуальную функцию уголовного преследования.

Первая уголовно-процессуальная функция, содержание которой составляют раскрытие и расследование преступлений, в системе уголовного процесса должна составлять содержание начальной процессуальной стадии – стадии предварительного расследования. Функция уголовного преследования, осуществляемая прокурором в рамках следующей досудебной стадии, обеспечивает формирование государственного обвинения и начало уголовного преследования. В судебных стадиях функция уголовного преследования переходит в иной режим реализации, где обвинительная деятельность государства осуществляется на условиях состязательности и равноправия со стороны защиты, и, соответственно, статус прокурора-обвинителя получает иное правовое оформление.

³ Тальберг Д.Г. *Русское уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. Т. 2. Вып. 1. К.: т-во печ. дела и торг. И.Н. Кушнерев и К^о в Москве, Киев. отд-ние, 1891. 214 с.*
URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003923376?page=43&rotate=0&theme=white>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давлетов А.А., Азаренок Н.В. Баланс публичного и частного интересов как основополагающий фактор формирования современного российского уголовного процесса // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2021. № 6. С. 31–37. EDN: [VFFIUU](#).
2. Хроменков И.Р., Качалова О.В. Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства. М.: Проспект, 2023. 176 с. EDN: [PKWGPL](#).
3. Россинский С.Б. Генезис доктринальных, нормативно-правовых и практических подходов к форме и содержанию обвинительного заключения // *Труды Академии Управления МВД России*. 2024. № 2. С. 24–32. DOI: [10.24412/2072-9391-2024-270-24-32](#).
4. Демидов И.Ф. Реструктуризация уголовного судопроизводства (концепция как гипотеза) // *Государство и право*. 2012. № 1. С. 33–44. EDN: [ORHGAZ](#).
5. Давлетов А.А., Азаренок Н.В. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2023. 528 с. EDN: [IXDWLG](#).
6. Долгий М.О. Правоохранительная функция в системе функций правового государства: исторический аспект конституционных изменений // *Вестник Московского университета МВД России*. 2022. № 5. С. 113–117. DOI: [10.24412/2073-0454-2022-5-113-117](#).
7. Пожарский Д.В., Радко Т.Н. Функции государства: пределы цифровых технологий // *Труды Академии управления МВД России*. 2022. № 2. С. 17–24. DOI: [10.24412/2072-9391-2022-262-17-24](#).
8. Бастрыкин А.И. Лекция: Из истории зарождения, развития и деятельности следственных органов России на современном этапе // *Юридическая мысль*. 2021. № 2. С. 115–140. EDN: [PQUXUP](#).
9. Гаврилов Б.Я. К вопросу о роли законодательства уголовно-правового комплекса в борьбе с преступностью: современное состояние и перспективы совершенствования // *Публичное и частное право*. 2024. № 2. С. 49–63. EDN: [CTQNY5](#).
10. Лазарева В.А. Уголовный процесс ≠ Уголовное судопроизводство // *Юридический вестник Самарского университета*. 2023. Т. 9. № 3. С. 11–17. DOI: [10.18287/2542-047X-2023-9-3-11-17](#).
11. Манова Н.С. Модель деятельности прокурора в уголовном процессе: ключевые проблемы и возможности реформы // *Правовая парадигма*. 2022. Т. 21. № 2. С. 43–50. DOI: [10.15688/lc.jvolsu.2022.2.6](#).
12. Балакшин В.С. Еще три аргумента в пользу принятия нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2017. № 3. С. 3–7. EDN: [ZJSPSJ](#).
13. Евдокимов П.П. Философские основы учения об уголовно-процессуальных функциях // *Вести Удмуртского университета*. 1994. № 1. С. 88–93.
14. Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1981. 192 с.
15. Якуб М.Л. О понятии процессуальной функции в советском уголовном судопроизводстве // *Правоведение*. 1973. № 5. С. 83–89.
16. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М.: Юридическая литература, 1986. 159 с.
17. Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л.: Ленинградский университет, 1976. 142 с.
18. Чабукиани О.А. Признание самостоятельности следственной деятельности – способ достижения состязательности // *Уголовное судопроизводство*. 2023. № 4. С. 26–31. DOI: [10.18572/2072-4411-2023-4-26-31](#).
19. Россинский С.Б. Причины превращения обвинительного заключения в «автореферат» следственного производства // *Всероссийский криминологический журнал*. 2024. Т. 18. № 2. С. 191–199. EDN: [TWIXUM](#).
20. Гаврилов Б.Я. Подозреваемый, обвиняемый – возможно ли поставить знак равенства в современном досудебном производстве? // *Уголовное судопроизводство*. 2024. № 1. С. 13–17. DOI: [10.18572/2072-4411-2024-2-13-17](#).

REFERENCES

1. Davletov A.A., Azarenok N.V. The balance of public and private interests as a fundamental factor in the formation of the modern Russian criminal process. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2021, no. 6, pp. 31–37. EDN: [VFFIUU](#).
2. Khromenkov I.R., Kachalova O.V. *Obespechenie sudom pravovykh interesov v dosudebnykh stadiyakh rossiyskogo ugolovno sudoproizvodstva* [Ensuring legal interests by the court in the pre-trial stages of Russian criminal proceedings]. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 176 p. EDN: [PKWGPL](#).
3. Rossinskiy S.B. The genesis of doctrinal, regulatory and practical approaches to the form and content of the indictment. *Trudy Akademii Upravleniya MVD Rossii*, 2024, no. 2, pp. 24–32. DOI: [10.24412/2072-9391-2024-270-24-32](#).
4. Demidov I.F. Restructuring of the criminal proceedings (as a hypothesis). *Gosudarstvo i pravo*, 2012, no. 1, pp. 33–44. EDN: [ORHGAZ](#).
5. Davletov A.A., Azarenok N.V. *Ugolovnyy protsess Rossii: istoricheskie korni, sovremennoe sostoyanie, perspektivy evolyutsionnogo razvitiya* [Criminal procedure in Russia: historical background, current state, development perspectives]. Ekaterinburg, Uralskiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet im. V.F. Yakovleva Publ., 2023. 528 p. EDN: [IXDWLG](#).
6. Dolgiy M.O. Law enforcement function in the system of functions of the rule of law: the historical aspect of constitutional changes. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2022, no. 5, pp. 113–117. DOI: [10.24412/2073-0454-2022-5-113-117](#).
7. Pozharskiy D.V., Radko T.N. Functions of the state: limits of digital technologies. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, 2022, no. 2, pp. 17–24. DOI: [10.24412/2072-9391-2022-262-17-24](#).

8. Bastrykin A.I. From the history of origin, development and activity investigative bodies of Russia at the present stage: lecture. *Yuridicheskaya mysl*, 2021, no. 2, pp. 115–140. EDN: [PQUXUP](#).
9. Gavrilov B.Ya. Criminal and procedural aspects of countering crime in modern conditions: myths of the legislator and realities of law enforcement. *Publichnoe i chastnoe pravo*, 2024, no. 2, pp. 49–63. EDN: [CTQNY5](#).
10. Lazareva V.A. Criminal procedure ≠ criminal justice. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta*, 2023, vol. 9, no. 3, pp. 11–17. DOI: [10.18287/2542-047X-2023-9-3-11-17](#).
11. Manova N.S. The model of the prosecutor's activities in criminal proceedings: key challenges and opportunities for reform. *Legal Concept*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 43–50. DOI: [10.15688/lc.jvolsu.2022.2.6](#).
12. Balakshin V.S. Three more arguments in favor of adopting a new Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2017, no. 3, pp. 3–7. EDN: [ZJSPSJ](#).
13. Evdokimov P.P. Philosophical basis of the doctrine of criminal procedural functions. *Vesti Udmurtskogo universiteta*, 1994, no. 1, pp. 88–93.
14. Gulyaev A.P. *Sledovatel v уголовном protsesse* [Investigator in criminal procedure]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1981. 192 p.
15. Yakub M.L. On the concept of procedural function in Soviet criminal proceedings. *Pravovedenie*, 1973, no. 5, pp. 83–89.
16. Larin A.M. *Rassledovanie po уголовному delu: protsessualnye funktsii* [Criminal investigation: procedural functions]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1986. 159 p.
17. Elkind P.S. *Tseli i sredstva ikh dostizheniya v sovetskom уголовно-protsessualnom prave* [Goals and means towards them in Soviet criminal procedure law]. Leningrad, Leningradskiy universitet Publ., 1976. 142 p.
18. Chabukiani O.A. Recognizing the autonomy of investigative activities as a way to achieve adversariality. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, 2023, no. 4, pp. 26–31. DOI: [10.18572/2072-4411-2023-4-26-31](#).
19. Rossinskiy S.B. Reasons for turning the closing indictment into an “abstract” of investigative proceedings. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*, 2024, vol. 18, no. 2, pp. 191–199. EDN: [TWIXUM](#).
20. Gavrilov B.Ya. Is a suspect equal to a convict in the contemporary pre-trial proceedings? *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, 2024, no. 1, pp. 13–17. DOI: [10.18572/2072-4411-2024-2-13-17](#).

On the implementation of the law enforcement function of the state in criminal procedure

Svetlana I. Vershinina, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Director of the Institute of Law Togliatti State University, Togliatti (Russia)

E-mail: svetlana-vershinina@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3501-3632>

Received 24.01.2025

Revised 25.02.2025

Accepted 27.02.2025

Abstract: The paper presents the author's vision of the organization of balanced pre-trial proceedings based on the functional delineation of the activities of state authorities ensuring the fulfillment of public-law duties of the state in criminal procedure. Analyzing the activities of bodies implementing criminal intelligence activities, preliminary investigation bodies and the prosecutor in pre-trial proceedings, the author judges from the focus of their activities on ensuring the interests of the state in the fight against crime using various forms of state-authority activities – solving crimes, investigating crimes and prosecuting guilty persons. The interaction of state bodies when solving and investigating crimes and their general focus on identifying the facts and circumstances of the committed act allowed evaluating critically the current norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which exclude criminal intelligence activities and their results from the subject of criminal procedural regulation, and substantiating the conclusion on the advisability of combining these types of activities in one criminal procedural function – the function of solution and investigation. The absence of legal regulation of the prosecutor's activities in carrying out criminal prosecution in pre-trial proceedings and the absence of legal norms regulating the procedure for forming and bringing state charges allowed substantiating the conclusion about the need for functional separation of criminal prosecution as an independent area of activity – the criminal prosecution function. Based on the obtained results, the author proposed a legal model for the implementation of law-enforcement criminal procedural functions in pre-trial proceedings, including: 1) the function of solving and investigating crimes combining two types of state-authority activities – solving crimes by bodies performing criminal intelligence activities and investigating crimes by preliminary investigation bodies, with the latter playing the leading role; 2) the function of criminal prosecution carried out by the prosecutor through the formation and bringing of state charges and the subsequent initiation of judicial proceedings in a criminal case. Based on the presented classification of law enforcement functions of criminal procedural activities, the author concluded about the need for legislative restructuring of the pre-trial part of the criminal procedure.

Keywords: law enforcement function of the state; law-enforcement criminal procedural functions; criminal intelligence activities; non-procedural activities; procedural activities; solution and investigation of crimes; investigation of crimes; criminal prosecution.

For citation: Vershinina S.I. On the implementation of the law enforcement function of the state in criminal procedure. *Jus strictum*, 2025, no. 1, pp. 7–13. DOI: [10.18323/3034-2945-2025-1-60-1](#).

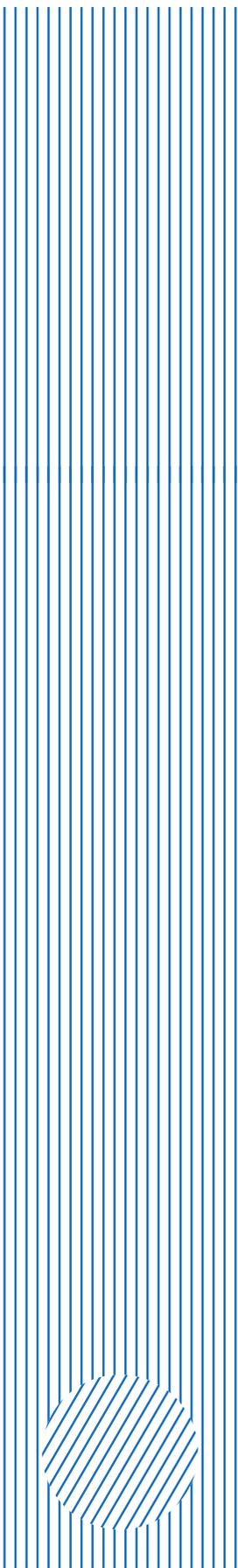
Тольяттинский государственный университет – участник программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», опорный вуз Самарской области, центр инновационного и технологического развития региона.

Создан в 2001 году путем объединения Тольяттинского политехнического института (основан в 1951 году как филиал Куйбышевского индустриального института) и Тольяттинского филиала Самарского государственного педагогического университета (основан в 1987 году).

ТГУ сегодня

- Более 22 000 студентов всех форм обучения.
- 10 институтов, реализующих более 170 программ высшего образования по 25 УГСН, НИИ прогрессивных технологий, Институт ДО «Жигулевская долина», Военный учебный центр.
- 38 центров компетенций с современной материально-технической базой, созданных с 2011 года.
- Аккредитация в 8 системах на стандартные испытания, исследования и инжиниринг.
- Основные направления: передовые цифровые, интеллектуальные производственные технологии, роботизированные системы, новые материалы и способы конструирования, экологически чистая и ресурсосберегающая энергетика, персонализированная медицина, противодействие техногенным угрозам.

Основные достижения ТГУ

- Внедрена сквозная проектная и профессиональная практическая деятельность 100 % студентов-очников бакалавриата/специалитета.
 - Реализованы 4 мегагранта по постановлениям Правительства РФ от 09.04.2010 № 219 и № 220 – созданы 3 лаборатории в области физического материаловедения и нанотехнологий (с приглашением ведущих ученых), а также инновационно-технологический центр – преобразован в университетский инновационный технопарк.
 - Участник НОЦ мирового уровня «Инженерия будущего».
 - Инициатор формирования 8 консорциумов, которые объединили 69 организаций, в том числе 36 вузов, 6 научных партнеров, включая 3 организации Российской академии наук.
 - Дважды лауреат премии Правительства Российской Федерации в области качества (2009, 2019).
 - Создана Система высшего образования онлайн, продвигаемая под брендом «Росдистант». Проект – победитель конкурса «Проектный Олимп» Аналитического центра при Правительстве РФ в номинации «Управление проектами в системе высшего образования и науки» (2019).
-

О функциональном разграничении полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве

Корчагина Кристина Александровна, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

E-mail: kris.alexandrovna1992@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8770-1173>

Поступила в редакцию 03.12.2024

Пересмотрена 11.12.2024

Принята к публикации 21.02.2025

Аннотация: В статье исследуется функциональное разграничение полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве, включая надзор за органами предварительного расследования, уголовное преследование (формирование и поддержание государственного обвинения) и правозащиту. Проблема заключается в размытости границ данных функций, недостаточной законодательной определенности и наличии противоречивых доктринальных подходов. Проведен анализ действующего законодательства, научных концепций и правоприменительной практики с целью выявления особенностей распределения полномочий прокурора. Установлено, что надзор за органами предварительного расследования является исключительной компетенцией прокурора, что исключает возможность его делегирования. Уголовное преследование, напротив, представляет собой самостоятельное направление деятельности, в рамках которого прокурор инициирует преследование, утверждает обвинительные заключения, акты, постановления, а также поддерживает государственное обвинение в суде. Особое внимание уделено правозащитной функции прокурора, которая включает контроль за соблюдением конституционных прав граждан и защиту публичных интересов. На основе проведенного анализа предложены изменения в ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса РФ, направленные на устранение правовых пробелов, усиление прокурорского надзора и четкое разграничение его полномочий. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования законодательства, а также при разработке научных подходов к регулированию деятельности прокуратуры в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: полномочия прокурора; уголовное преследование; обвинение; прокурор; государственное обвинение; прокурорский надзор; надзор за органами предварительного расследования; правозащитная функция; уголовное судопроизводство.

Для цитирования: Корчагина К.А. О функциональном разграничении полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве // Jus strictum. 2025. № 1. С. 15–22. DOI: 10.18323/3034-2945-2025-1-60-2.

ВВЕДЕНИЕ

Значительная часть ученых, посвятивших свои исследования изучению роли прокурора в уголовном судопроизводстве, выделяют два направления его деятельности, обозначенные в ч. 1 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) – уголовное преследование и надзор за органами предварительного расследования. На первый взгляд, из всех действий и решений, перечисленных в ст. 37 УПК РФ, определяющей полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве, к уголовному преследованию бесспорно можно отнести лишь поддержание государственного обвинения в суде (ч. 3) и отказ от уголовного преследования (ч. 4), который также допускается в судебных стадиях. Соответственно, все остальные полномочия, реализуемые прокурором в отношении органов предварительного расследования, следует рассматривать в рамках его процессуального надзора.

Если осуществление прокурором надзора действительно является его исключительной компетенцией, реализуется только в отношении органов предварительного расследования и ограничивается досудебным производством, то в части понимания роли прокурора в осуществлении уголовного преследования в судебном производстве возникают сложности. Не случайно в уголов-

но-процессуальной науке относительно полномочий прокурора по уголовному преследованию высказаны предложения противоречивого характера, от полного отрицания самостоятельности прокурора по уголовному преследованию в досудебном производстве [1] и ограничения его деятельности в этом направлении лишь поддержанием государственного обвинения до закрепления руководящей роли прокурора в осуществлении уголовного преследования [2], предоставлении возможности возбуждать уголовные дела и собирать доказательства [3], участвовать в предъявлении обвинения [4] и производстве следственных действий [5] и т. д.

Отсутствие в действующем законодательстве ясности в понимании содержания и структуры уголовного преследования, неопределенность субъектов, осуществляющих уголовное преследование, приводит к суждениям, что уголовное преследование – «это суррогатное словообразование, нелепо отображающее всем известную и всеми отвергнутую функцию расследования» [6, с. 54], что деятельность прокурора в уголовном процессе связана с выполнением только одной функции – прокурорского надзора [7]. Согласиться с такими предложениями нельзя хотя бы потому, что именно в досудебном производстве формируется официальное государственное обвинение, и прокурор «продолжает играть основную роль в решении

вопроса о продолжении уголовного преследования при утверждении обвинительных заключения, акта, постановления» [8, с. 23]. Действительно, разве утверждение прокурором обвинительного заключения, акта или постановления не преследует обвинительные цели и не направлено на осуществление уголовного преследования (обвинения) виновного лица? Этот и иные вопросы, возникающие при определении функциональных полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве, должны изучаться и разрешаться системно, с учетом исторических традиций российского законодательства и на основе научно обоснованной стратегии развития уголовного процесса. Но уже сейчас, на уровне данного исследования, используя в качестве критерия целеполагание деятельности прокурора, можно разграничить осуществляемые им полномочия на две группы: полномочия по осуществлению уголовного преследования и надзорные полномочия.

Цель исследования – на основе законодательных положений, закрепляющих полномочия прокурора в уголовном процессе, и с учетом целей его деятельности в уголовном судопроизводстве обозначить и разграничить полномочия прокурора по каждой из возложенных на него процессуальных функций.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для достижения цели исследования использован комплексный методологический подход, включающий следующие методы:

1) нормативно-правовой анализ – изучены положения Конституции РФ, УПК РФ, Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ «О прокуратуре») и др. нормативных актов, регламентирующих полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве;

2) доктринальный анализ – проведен обзор научных публикаций, посвященных функциям прокуратуры, проблемам их разграничения и правоприменительной практике. Рассмотрены концепции ведущих ученых в области уголовного процесса;

3) историко-правовой метод – проанализированы этапы развития института прокурорского надзора в РФ, выявлены изменения в законодательстве и подходах к регулированию полномочий прокурора;

4) сравнительно-правовой анализ – сопоставлены различные доктринальные подходы и зарубежные модели разграничения прокурорских функций, включая системы надзора и уголовного преследования в странах континентальной и англосаксонской правовой традиции;

5) системный подход – полномочия прокурора рассмотрены как взаимосвязанная система, реализуемая на различных стадиях уголовного судопроизводства. Исследованы их взаимодействие, нормативные ограничения и функциональная направленность;

6) практико-ориентированный анализ – изучены данные правоприменительной практики, включая статистику Генеральной прокуратуры РФ, судебные решения, акты прокурорского надзора. Выявлены основные тенденции в реализации полномочий прокурора.

Исследование проводилось в несколько этапов:

1) определены ключевые проблемы правового регулирования полномочий прокурора;

2) проанализированы нормативные источники и научные концепции;

3) проведено сравнение различных моделей разграничения функций прокуратуры;

4) сформулированы предложения по совершенствованию законодательства.

Примененный комплексный подход позволил сформировать целостное представление о прокурорских полномочиях, выявить их недостатки и предложить меры по их совершенствованию.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Полномочия прокурора в осуществлении уголовного преследования

Как представитель государства, на которого Конституцией РФ возложена функция уголовного преследования (обвинения) лиц, совершивших деяния, запрещенные уголовным законом, прокурор обеспечивает ее осуществление в течение уголовного судопроизводства, занимая место участника стороны обвинения. В осуществляемом прокурором уголовном преследовании (обвинении) отчетливо выделяются два хронологических периода, различающихся между собой по степени активности прокурора и объему осуществляемых им полномочий, составляющих содержание функции обвинения, а именно досудебное производство и судебное производство.

Досудебное производство

Выделение данного этапа обусловлено участием прокурора в формировании государственного обвинения как предмета будущего судебного разбирательства. Границы этого этапа совпадают с границами досудебного производства, однако активность прокурора в осуществлении уголовного преследования в пределах данного этапа не одинакова. Например, обеспечивая надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением федерального законодательства, прокурор эпизодически сталкивается с необходимостью инициирования уголовного преследования, в связи с чем использует полномочие, обозначенное п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, предусматривающее вынесение мотивированного постановления о направлении материалов проверки в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений уголовного законодательства.

Хотя прокурор не обладает и не должен обладать полномочиями по возбуждению уголовного дела, тем не менее инициацию уголовного преследования нельзя рассматривать в рамках надзора за органами расследования, как утверждают отдельные авторы [9], так как цели, к которым стремится прокурор, не связаны с установлением законности исполнения законодательства органами расследования. Составляя указанное постановление, прокурор реализует себя как субъект, преследующий прежде всего обвинительные цели, чтобы лицо, совершившее преступление, не избежало ответственности. Интересен еще один момент: прокурор составляет мотивированное постановление по фактам нарушений, выявленных при осуществлении им отраслевых

видов надзора, возложенных на него ФЗ «О прокуратуре» и не связанных с уголовно-процессуальной деятельностью. Такая «не процессуальная» природа полномочий прокурора, закрепленных п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, исключает любую, даже опосредованную связь данного полномочия с надзором прокурора за деятельностью органов предварительного расследования. К аналогичным выводам, позволившим рассматривать в структуре функции уголовного преследования полномочия прокурора, предусмотренные п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, пришли и другие ученые [10; 11].

Вместе с тем правовая значимость данных полномочий, трансформировавшаяся в самостоятельный повод для возбуждения уголовного дела (п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ), не должна обязывать органы расследования к возбуждению уголовных дел без дополнительной проверки [12], так как, во-первых, именно орган расследования несет ответственность за законность и обоснованность возбуждения уголовного дела и производство предварительного расследования; во-вторых, у органа расследования значительно больше проверочных средств для установления обстоятельств, обуславливающих необходимость возбуждения уголовного дела и начала уголовного преследования; в-третьих, отказ органа расследования в возбуждении уголовного дела по «прокурорскому» поводу, как и по остальным поводам, может быть отменен прокурором, но уже в рамках осуществления надзора.

Досудебное соглашение о сотрудничестве

Другим не менее значимым обстоятельством, требующим участия прокурора в досудебном производстве как участника, представляющего сторону обвинения, является заявленное обвиняемым ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, ставящее перед прокурором запрос о возможности изменения (расширения) обвинения и корректировки наказания. На первый взгляд, полномочия прокурора по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве, в соответствии с п. 5.2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, реализуются в период осуществления им надзорных полномочий за деятельностью органа расследования, в связи с чем могут рассматриваться в качестве надзорных полномочий. Однако нацеленность прокурора, заключающего соглашение, на расширение уголовного преследования за счет возбуждения новых уголовных дел либо привлечения новых обвиняемых свидетельствует об обвинительном характере деятельности прокурора. Аналогичное мнение высказано Н.Н. Апостоловой, считающей, что участие прокурора в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве показывает его «как главу обвинительной власти» [13].

Вывод об обвинительной направленности деятельности прокурора в реализации рассматриваемого полномочия подтверждается и Приказом Генерального прокурора РФ, регламентирующим организацию работ по заключению досудебных соглашений и определяющим значимость этой деятельности в правоприменительной практике в рамках «прокурорского надзора, а также повышения эффективности борьбы с преступностью, особенно ее организованными формами»¹. Обозначенная

в Приказе «борьба с преступностью» в силу специфики уголовно-процессуальной деятельности трансформируется в функцию уголовного преследования, которую прокурор осуществляет в том числе посредством заключения с обвиняемым соглашения о сотрудничестве. Подписывая соглашение, прокурор мотивирует обвиняемого сотрудничать с органами предварительного следствия, содействовать раскрытию новых преступлений и изобличать других соучастников. Возложение на прокурора полномочия по заключению досудебного соглашения подтверждает его активную роль в осуществлении уголовного преследования как в отношении обвиняемого, заключающего досудебное соглашение, так и в отношении других изобличаемых обвиняемых лиц.

В этой связи не можем согласиться с предложением Е.А. Буглаевой о передаче полномочий по составлению досудебного соглашения о сотрудничестве следователю, мотивированным тем, что «следователь как организатор производства по уголовному делу обладает полной информацией по нему»², оставив при этом прокурору лишь право на утверждение соглашения. Напомним, что при закреплении данного института в УПК РФ Федеральным законом № 141-ФЗ от 29.06.2009 ставились цели уголовно-правовой направленности, а именно возможность изменения условий ответственности подозреваемого или обвиняемого, зависящие от его действий по оказанию содействия следствию в раскрытии и расследовании преступлений, изобличению других соучастников преступления. Указание на досудебный характер соглашения означает лишь, что целесообразность его заключения существует в стадии предварительного расследования, т. е. как раз тогда, когда следователь не обладает «полной информацией». При этом значимость заключенного соглашения и полнота его исполнения проявляются в судебных стадиях, существенно влияя на вид, объем и содержание назначаемого наказания. Учитывая, что именно прокурор отвечает за поддержание государственного обвинения в судебном производстве и в целом за осуществление уголовного преследования в отношении виновных лиц, возложение на него рассматриваемых полномочий оправданно и понятно.

Утверждение обвинительного заключения

Завершающим, а по значительному количеству уголовных дел единственным «фрагментом» в осуществлении прокурором уголовного преследования в досудебном производстве является утверждение им обвинительного заключения, акта или постановления по итогам проведенного предварительного расследования. Относительно функциональной принадлежности данных полномочий также ведутся споры. Авторы, исключаящие у прокурора в досудебном производстве функцию уголовного преследования, рассматриваемые полномочия связывают с надзорной деятельностью. Те же ученые, кто такую функцию выделяют, относят утверждение итогового акта к уголовному преследованию.

соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rf-ot-15032010-n-107/>.

² Буглаева Е.А. Участие прокурора в ходе предварительного следствия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 23 с. С. 10.

¹ Приказ Генпрокуратуры РФ от 15.03.2010 № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных

Помимо узкофункциональных подходов, в уголовно-процессуальной науке высказана компромиссная позиция «о биполярности процессуальных функций прокурора» при осуществлении им полномочий по утверждению обвинительного заключения, акта, постановления, т. е. указанные полномочия прокурора, как считают авторы, одновременно «следует относить к реализации надзорной функции прокурора и функции уголовного преследования» [10, с. 64]. В качестве возражения заметим, что в досудебном производстве прокурор действительно одновременно осуществляет две функции, и суждение о биполярности (двуполярности) функций справедливо, но только в рамках всего досудебного производства. Однако, когда исследуется отдельное полномочие прокурора, то принадлежность его к нескольким функциям непонятна и алогична, так как каждая функция, как направление деятельности по заданному вектору, представлена в законодательстве совокупностью определенных полномочий прокурора, закрепленных законом, каждое из которых уникально, имеет собственное содержание и направлено на получение результата, соответствующего функциональной цели. Признание полномочия биполярным означает, что полномочие не предусматривает конкретного результата, а у субъекта, реализующего данное полномочие, отсутствуют цели деятельности.

В соответствии с действующим законодательством содержание функции зависит от формы предварительного расследования – предварительного следствия или дознания. Полномочия прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением (гл. 31 УПК РФ), достаточно обширны: прокурор не только анализирует материалы уголовного дела на предмет законности проведенного следствия и достаточности имеющихся в деле доказательств для обоснования вины обвиняемого перед судом, но и решает вопросы о мере пресечения. Еще шире полномочия прокурора при рассмотрении итогового акта дознавателя – обвинительного акта или постановления: он может переqualифицировать обвинение, прекратить уголовное дело либо направить его для производства предварительного следствия.

Усмотрев недостатки в проведенном следствии или дознании, прокурор может вернуть уголовное дело вместе с итоговым актом для дополнительного расследования и/или пересоставления обвинительного заключения, акта, постановления. В рамках функции уголовного преследования такой подход логичен и оправдан, так как орган расследования устанавливает обстоятельства совершенного деяния и собирает доказательственную базу, а прокурор анализирует материалы уголовного дела с точки зрения законности их получения и достаточности для поддержания обвинения в суде в условиях состязательности со стороны защиты. Обнаружив нарушения и признав необходимость совершения дополнительных действий по производству расследования, прокурор возвращает уголовное дело уполномоченному должностному лицу для устранения замечаний. В связи со сказанным не можем согласиться с И.С. Дикаревым, считающим, что выполнение функции уголовного преследования прокурор принимает на себя только в случае утверждения обвинительного заключения [14].

Право следователя и дознавателя не согласиться с решением прокурора и принести вышестоящему про-

курору возражения на замечания надзирающего прокурора также логически обосновано, так как, с одной стороны, учитывается так называемый «человеческий фактор» (возможность ошибки), а с другой, посредством ознакомления с возражениями органа расследования, создаются условия для прокурора еще глубже ознакомиться с материалами уголовного дела и результатами проведенного расследования.

Вызывают возражения предписания, позволяющие следователю обжаловать несогласие вышестоящего прокурора обращением к Генеральному прокурору РФ. Включение в процедуру обжалования верхнего уровня «прокурорской вертикали», на наш взгляд, чрезмерно и малоэффективно. Еще более неприемлемы предложения о предоставлении органу расследования (следователю либо руководителю следственного органа) права на обращение в суд с жалобой на требования прокурора [13]. Учитывая, что орган расследования как публичный субъект обеспечивает государственную функцию по расследованию преступлений под надзором прокурора, а прокурор является также руководителем уголовного преследования и координатором всей правоохранительной деятельности, непонятен предмет данной жалобы и его связь с защитой прав и свобод человека. Полагаем, что для всех органов расследования должен быть установлен единый порядок обжалования указаний прокурора – только вышестоящему прокурору, решение которого обязательно как для надзирающего прокурора, так и для органа расследования.

Судебное производство

Следующий период в осуществлении прокурором уголовного преследования принципиально отличается от предыдущего как по границам, охватываемым судебное разбирательство и апелляционное производство, так и по содержанию. На этом этапе обвинительная деятельность реализуется гласно, целенаправленно и в полном объеме, при этом прокурор, как руководитель органа прокуратуры, на которого Конституцией РФ возложена функция уголовного преследования, обладает исключительными полномочиями по осуществлению обвинения, что позволяет ему в рамках должностной правосубъектности участвовать во всех уголовно-процессуальных отношениях при рассмотрении любых уголовных дел, но только в статусе государственного обвинителя.

Изменение прокурором правового статуса предопределяет возможность делегирования им своих полномочий по поддержанию государственного обвинения подчиненным прокурорским работникам. Следует отметить, что использование законодателем в третьей части УПК РФ «Судебное производство» термина «прокурор» не аналогично пониманию этого субъекта в предыдущих стадиях. Если в досудебном производстве термин «прокурор» определялся на основании ч. 5 ст. 37 УПК РФ – как руководитель органа прокуратуры, то в судебном производстве «прокурор» понимается преимущественно в соответствии с п. 31 ст. 5 УПК РФ – как должностное лицо органа прокуратуры. Объясняется это тем, что уголовных дел, по которым необходимо поддерживать государственное обвинение, значительно больше, чем фактической возможности прокурора осуществлять уголовное преследование. Именно этим, как мы полагаем, и объясняется расширительное толкова-

ние «прокурора» в п. 31 ст. 5 УПК РФ и его изменение Федеральным законом № 92-ФЗ от 04.07.2003 в части включения в это понятие всех должностных лиц органов прокуратуры, участвующих в уголовном судопроизводстве в статусе государственного обвинителя.

Полномочия прокурора по осуществлению надзора за деятельностью органов предварительного расследования

В соответствии с действующим законодательством надзорные полномочия по всем видам надзора, обозначенным в ФЗ «О прокуратуре», возлагаются на прокурора как руководителя органа прокуратуры и не могут быть делегированы подчиненным сотрудникам.

На основании анализа положений УПК РФ составлена таблица, систематизирующая надзорные полномочия прокурора в досудебном производстве и раскрывающая их связь с предметом надзора и решениями органов предварительного расследования, составляющими предмет прокурорского надзора (таблица 1).

Исследуя надзор прокурора за деятельностью органов дознания и предварительного следствия, мы исходим из того, что предварительное расследование, как и любой другой вид поднадзорной деятельности, юридически и организационно обособлен от прокурорского надзора, осуществляется органами расследования самостоятельно и направлен на достижение собственных целей расследования. Следовательно, прокурор не может и не должен участвовать в расследовании, он выступает в качестве внешнего наблюдателя, оценивающего законность деятельности органов предварительного расследования на основании ст. 29 и 30 ФЗ «О прокуратуре».

Согласно ст. 29 ФЗ «О прокуратуре», предметом прокурорского надзора за исполнением законов органами предварительного расследования является «соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения сообщений о преступлениях, проведения расследования и законность решений органов дознания и предварительного следствия». Соответственно, задача прокурора при осуществлении надзора за деятельностью органов предварительного расследования – выявить, насколько установленный УПК РФ порядок вынесения процессуальных решений, ограничивающих конституционные права граждан, соблюден органом расследования.

Исходя из статистических данных, представленных на сайте Генеральной прокуратуры РФ, ежегодно при осуществлении надзора за исполнением законов в досудебной части уголовного судопроизводства выявляется более 5 млн нарушений законов³. Так, в 2018 г. выявлено 5 159 080 нарушений; в 2019 г. – 5 139 782; в 2020 г. – 5 086 896; в 2021 г. – 5 172 609 и в 2022 г. – 5 217 038 нарушений. К сожалению, с января 2023 г. размещение статистических данных на портале правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ приостановлено, однако данные, публикуемые на сайтах про-

куратур субъектов РФ, подтверждают сохранение представленной тенденции⁴.

Обеспечивая надзор за органами расследования, прокурор, согласно п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, наделяется полномочиями проверять исполнение требований закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях. Конституционно-правовую основу полномочий прокурора составляет право граждан на обращение в государственные органы (ст. 33 Конституции РФ). Осуществляя прием, регистрацию и разрешение сообщений о преступлениях, орган расследования выносит делопроизводственные и процессуальные решения, выступающие предметом прокурорского надзора. Установив факт нарушения закона, прокурор составляет требование об устранении выявленных нарушений (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), которое по своей сути является актом прокурорского реагирования. В соотношении с общим количеством нарушений, выявляемых прокурором в досудебном производстве, примерно 2/3 нарушений допускаются при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении и примерно 1/3 – при производстве следствия и дознания⁵.

Завершение прокурорского надзора мы связываем именно с принятием органом расследования решения о направлении прокурору уголовного дела с обвинительным заключением, актом, постановлением, что традиционно для российского уголовного процесса, хотя в теории уголовного процесса высказывались и другие суждения. Согласно ст. 519 Устава уголовного судопроизводства, если прокурор принимал решение о предании обвиняемого суду, то этим актом завершалась и досудебная стадия уголовного процесса, и прокурорский надзор за процессуальной деятельностью следствия [15]. Как мы полагаем, получив уголовное дело, прокурор оценивает его с позиции поддержания обвинения, а не как надзирающий орган. Даже когда прокурор принимает решение о возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия, он руководствуется достаточностью и допустимостью доказательств, имеющихся в уголовном деле для выдвижения и обоснования обвинения в суде.

Обеспечивая надзор за деятельностью органов предварительного расследования, прокурор выступает не на стороне обвинения, а как представитель государства, осуществляющий самостоятельную функцию, возложенную на него Конституцией и ФЗ «О прокуратуре». Позиционирование прокурора, исполняющего надзорные полномочия, как участника стороны обвинения дискредитирует его истинное предназначение как государственного органа, осуществляющего надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением федерального законодательства в интересах человека, общества и государства во всех сферах общественной жизни. Это означает, что надзор прокурора не является уголовно-

³ Результаты деятельности органов прокуратуры РФ // Генеральная прокуратура РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result>.

⁴ Результаты работы прокуратуры в сфере надзора за уголовно-процессуальной деятельностью органов расследования // Сельское поселение «Хоседа-Хардский сельсовет» ЗР НАО. URL: https://xosedaxardskij-r83.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_514.html.

⁵ См. 3.

Таблица 1. Надзорные полномочия прокурора в досудебном производстве
 Table 1. Supervisory powers of the prosecutor in pre-trial proceedings

Предмет надзора	Решение органа расследования	Полномочия прокурора по надзору	Меры прокурорского реагирования
Возбуждение уголовного дела			
Право гражданина на обращение в государственные органы	Прием и регистрация сообщения, продление сроков рассмотрения	Проверка законности приема, регистрации и разрешения сообщений (п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ)	Требование об устранении выявленных нарушений (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ)
Право на доступ к правосудию	Постановление органа расследования об отказе в возбуждении уголовного дела	Проверка законности отказа в возбуждении уголовного дела (п. 5.1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ)	Принятие решения в соответствии с УПК РФ (п. 5.1 ч. 2 ст. 37). Отмена постановления и его возвращение в орган расследования (ч. 6 ст. 148 УПК РФ)
Комплекс прав и свобод	Постановление органа расследования о возбуждении уголовного дела	Проверка законности возбуждения уголовного дела (ч. 4 ст. 146 УПК РФ)	Вынесение постановления об отмене (ч. 4 ст. 146 УПК РФ)
Предварительное расследование			
Комплекс прав и свобод	Превентивный характер надзора	Проверка законности производства дознания или предварительного следствия	Требование об устранении выявленных нарушений (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ)
Право на доступ к правосудию	Постановление органа расследования о приостановлении или прекращении уголовного дела	Проверка законности приостановления или прекращения уголовного дела: для дознавателя (п. 6 и 13 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); для следователя (п. 5.1 ч. 2 ст. 37, ч. 1.1 ст. 211, ч. 1 ст. 214 УПК РФ)	Принятие решения в соответствии с УПК РФ (п. 5.1 ч. 2 ст. 37). Отмена постановления и его возвращение в орган расследования (ч. 6 ст. 148 УПК РФ)
Право на неприкосновенность	Ходатайство о применении меры пресечения	Только для дознания: дает согласие (п. 5 ч. 2 ст. 37 УПК РФ)	Обязательность согласования прокурором (п. 5 ч. 2 ст. 37 УПК РФ)
Право на частную жизнь, жилище и т. д.	Ходатайство о производстве следственных действий по судебному решению		

процессуальной деятельностью. Он всегда имеет «над-процессуальный» характер и является внешней оценкой деятельности органов предварительного расследования на предмет ее законности и обоснованности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенному анализу правосубъектности прокурора, мы пришли к следующим выводам.

1. Функция прокурора по осуществлению уголовного преследования (обвинения) обеспечивает реализацию одной из основных функций уголовного судопроизводства – функции обвинения, поэтому вводит прокурора, реализующего данную функцию, в круг участников стороны обвинения. Осуществляя уголовное преследование (обвинение) в досудебном и судебном производстве, прокурор использует различные по характеру, содержанию и направленности формы деятельности. В досудеб-

ном производстве прокурор, обладающий государственно-властными полномочиями, формирует государственное обвинение, что является его исключительной компетенцией как руководителя органа прокуратуры. В судебном производстве на прокурора возлагается поддержание государственного обвинения на основе состязательности и равноправия с участниками стороны защиты, что обуславливает получение прокурором процессуального статуса государственного обвинителя. Потеря прокурором государственно-властных полномочий в судебном производстве предопределила возможность делегирования им полномочий по поддержанию обвинения подчиненному должностному лицу органа прокуратуры, получающему уголовно-процессуальный статус государственного обвинителя.

2. Надзор за деятельностью органов предварительного расследования является исключительной компетенцией прокурора, поэтому не может быть делегирован

другим должностным лицам органов прокуратуры. Предмет надзорных полномочий прокурора в досудебном производстве составляют процессуальные решения органов расследования, затрагивающие или ограничивающие конституционные права и свободы человека. Обозначенные в УПК РФ меры прокурорского реагирования позволяют прокурору не только требовать устранения нарушения, но и самому отменять незаконные и необоснованные акты органов расследования. Детализация в УПК РФ в порядке бланкетного нормотворчества надзорных полномочий прокурора не дает оснований для их рассмотрения в качестве отдельного вида уголовно-процессуальной деятельности, так как цели и задачи, стоящие перед надзирающим прокурором в досудебном производстве, не отличаются от целей и задач по другим видам так называемого «непроцессуального» надзора, что раскрывает особый «надотраслевой» характер всех видов прокурорского надзора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Синельщиков Ю.П. О функциях прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса // Российский следователь. 2008. № 17. С. 9–14. EDN: [JVXREP](#).
2. Кругликов А.П., Бирюкова И.А. Процессуальное руководство прокурором уголовным преследованием от имени государства – принцип уголовного судопроизводства // Законность. 2019. № 2. С. 38–42. EDN: [SZSHRX](#).
3. Анисимов Г. Проблемы реализации прокурором функции уголовного преследования // Законность. 2019. № 9. С. 15–18. EDN: [GBYGYN](#).
4. Шевчук А.Н. Соотношение функций уголовного преследования и обвинения в ходе досудебного производства // Военное право. 2021. № 3. С. 229–236. EDN: [FGBDJZ](#).
5. Бабенко С.В. К вопросу о соотношении функций прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 3. С. 32–36. DOI: [10.51980/2542-1735_2021_3_32](#).
6. Бажанов С.В. К вопросу о состоятельности функции уголовного преследования вообще и функции прокурорского уголовного преследования в частности // Российская юстиция. 2017. № 4. С. 52–55. EDN: [YKVVHF](#).
7. Рябинина Т.К. О функциях прокурора в уголовном процессе: дискуссия продолжается // Уголовное судопроизводство. 2007. № 2. С. 18–25. EDN: [KWTUAX](#).
8. Жубрин Р.В. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 2. С. 22–25. EDN: [JHMNJZ](#).
9. Стрельников В.В. Уголовное преследование прокуратурой // Эж-Юрист. 2012. № 1-2. С. 3–5. EDN: [WROYED](#).
10. Вецкая С.А., Муллагалеева Л.Р. Отдельные вопросы реализации прокурором функции уголовного преследования на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 60–65. DOI: [10.24412/2073-0454-2021-6-60-65](#).
11. Соловьева Н.А., Ильясова А.К. Постановление прокурора как повод для возбуждения уголовного дела: проблемы совершенствования законодательства // Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 4. С. 131–139. DOI: [10.15688/lc.jvolsu.2019.4.18](#).
12. Клещев С.В. «Прокурорский» повод для возбуждения уголовного дела: проблемы реализации // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3. С. 174–178. EDN: [VAORMZ](#).
13. Апостолова Н.Н. Прокурорский надзор и предварительное следствие как гарантии обеспечения прав и свобод личности // Российская юстиция. 2017. № 3. С. 53–56. EDN: [YFPXUR](#).
14. Дикарев И.С. Полномочия прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением // Российский следователь. 2020. № 10. С. 61–64. EDN: [UFTHER](#).
15. Варпаховская Е.М., Деревскова В.М. Развитие прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия в судебных реформах России XIX и XX вв. // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 1. С. 102–108. EDN: [OZZBDK](#).

REFERENCES

1. Sinelshchikov Yu.P. On the functions of the prosecutor at the pre-trial stages of the criminal process. *Rossiyskiy sledovatel*, 2008, no. 17, pp. 9–14. EDN: [JVXREP](#).
2. Kruglikov A.P., Biryukova I.A. Procedural management of criminal prosecution by a public prosecutor on behalf of the state – a principle of criminal proceedings. *Zakonnost*, 2019, no. 2, pp. 38–42. EDN: [SZSHRX](#).
3. Anisimov G. The problems of exercise of a duty of criminal prosecution by a public prosecutor. *Zakonnost*, 2019, no. 9, pp. 15–18. EDN: [GBYGYN](#).
4. Shevchuk A.N. Correlation of the functions of criminal prosecution and prosecution in the course of pre-trial proceedings. *Voennoe pravo*, 2021, no. 3, pp. 229–236. EDN: [FGBDJZ](#).
5. Babenko S.V. On the question of the correlation of the functions of the prosecutor at the pre-trial stage of criminal proceedings. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2021, no. 3, pp. 32–36. DOI: [10.51980/2542-1735_2021_3_32](#).
6. Bazhanov S.V. To the question about the viability of the functions of criminal prosecution in general and prosecutorial functions of criminal prosecution in particular. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2017, no. 4, pp. 52–55. EDN: [YKVVHF](#).
7. Ryabinina T.K. Prosecutor's functions in the criminal proceedings: discussion continues. *Ugolovnoe sudoproduzvodstvo*, 2007, no. 2, pp. 18–25. EDN: [KWTUAX](#).
8. Zhubrin R.V. Criminal prosecution as a function of the prosecutor's office of the Russian Federation. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii*, 2020, no. 2, pp. 22–25. EDN: [JHMNJZ](#).
9. Strelnikov V.V. Criminal prosecution by the prosecutor's office. *Ezh-Yurist*, 2012, no. 1-2, pp. 3–5. EDN: [WROYED](#).
10. Vetskaya S.A., Mullagalayeva L.R. Individual issues of the prosecutor's implementation of the function of criminal prosecution at the pre-trial stage of criminal proceedings. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2021, no. 6, pp. 60–65. DOI: [10.24412/2073-0454-2021-6-60-65](#).

11. Soloveva N.A., Ilyasova A.K. Prosecutor's decision as a cause for initiating criminal proceedings: problems of improving the legislation. *Pravovaya paradigma*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 131–139. DOI: [10.15688/jc.jvolsu.2019.4.18](https://doi.org/10.15688/jc.jvolsu.2019.4.18).
12. Kleshchev S.V. "The prosecutor's" reason for initiating a criminal case: problems of implementation. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2018, no. 3, pp. 174–178. EDN: [VAORMZ](https://edn.voprosy.ru/VAORMZ).
13. Apostolova N.N. Public prosecutor's supervision and preliminary investigation as a guarantee of the rights and freedoms of the individual. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2017, no. 3, pp. 53–56. EDN: [YFPXUR](https://edn.voprosy.ru/YFPXUR).
14. Dikarev I.S. Prosecutor's authorities in a criminal case submitted with a letter of accusation. *Rossiyskiy sledovatel*, 2020, no. 10, pp. 61–64. EDN: [UFTHER](https://edn.voprosy.ru/UFTHER).
15. Varpakhovskaya E.M., Derevskova V.M. Development of prosecutor's supervision over the procedural activities of the preliminary investigation bodies in the judicial reforms of Russia of the XIX and XX centuries. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii*, 2021, no. 1, pp. 102–108. EDN: [OZZBDK](https://edn.voprosy.ru/OZZBDK).

On the functional delimitation of the powers of the prosecutor in criminal proceedings

Kristina A. Korchagina, senior lecturer of Chair "Criminal Law and Procedure"

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

E-mail: kris.alexandrovna1992@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8770-1173>

Received 03.12.2024

Revised 11.12.2024

Accepted 21.02.2025

Abstract: The paper studies the functional delimitation of the powers of the prosecutor in criminal proceedings, including supervision over preliminary investigation bodies, criminal prosecution (formation and maintenance of public prosecution), and defense of human rights. The problem lies in the blurring of the boundaries of these functions, insufficient legal certainty and the presence of contradictory doctrinal approaches. The author carried out an analysis of the current legislation, scientific concepts and law enforcement practice in order to identify special aspects of the division of the powers of the prosecutor. It has been found that supervision over preliminary investigation bodies is the exclusive competence of the prosecutor, which excludes the possibility of its delegation. Criminal prosecution, on the contrary, is an independent area of activity, within the framework of which the prosecutor initiates prosecution, approves indictments, acts, resolutions and supports public prosecution in court. The study pays special attention to the human rights function of the prosecutor, which includes control over compliance with the constitutional rights of citizens and the protection of public interests. Based on the analysis, the author proposes amendments to Art. 37 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation aimed at eliminating legal gaps, strengthening prosecutor's supervision and clearly delimiting its powers. The results of the study can be used to improve legislation, as well as in the development of scientific approaches to regulating the activities of the prosecutor's office in criminal proceedings.

Keywords: powers of the prosecutor; criminal prosecution; prosecution; prosecutor; public prosecution; prosecutor's supervision; supervision over preliminary investigation bodies; human rights function; criminal proceedings.

For citation: Korchagina K.A. On the functional delimitation of the powers of the prosecutor in criminal proceedings. *Jus strictum*, 2025, no. 1, pp. 15–22. DOI: [10.18323/3034-2945-2025-1-60-2](https://doi.org/10.18323/3034-2945-2025-1-60-2).

Следственные действия как способы собирания и формирования доказательств

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара (Россия)

E-mail: lazareva.va@ssau.ru,
v.a.lazareva@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2725-9517>

Поступила в редакцию 10.02.2025

Пересмотрена 14.02.2025

Принята к публикации 20.02.2025

Аннотация: В статье рассматриваются конкурирующие в теории уголовного процесса концепции следственного действия как способа собирания доказательств и как способа формирования доказательств. Путем исследования механизма взаимодействия органа предварительного расследования со следами преступления автор обосновывает нетождественность понятий «собирание доказательств» и «формирование доказательств» с целью определения места каждого из них в системе уголовно-процессуальных действий. Показано, что дискуссия о природе следственного действия порождена сложным многосоставным и неоднозначным понятием доказательства, имеющим информационное (познаваемое) содержание и сохраняющую это содержание внешнюю форму, как независимую от действий следователя, дознавателя, так и создаваемую (формируемую) им в ходе производства следственных действий. По мнению автора, в основе двух рассматриваемых в статье научных концепций о гносеологической природе следственного действия лежит различие между готовыми (паратусными, по определению С.Б. Россинского) доказательствами и доказательствами, получающими процессуальную форму в процессе производства следственного действия. Учитывая отмеченную в статье нетождественность понятий «собирание доказательств» и «формирование доказательств», автор отвергает высказанное в науке предложение о замене первого термина вторым. Каждый из них обладает собственным содержанием, и ни один не является универсальной характеристикой следственного действия, в структуре каждого из которых есть как правила, регулирующие процесс собирания доказательств, так и правила, касающиеся формирования доказательств. Формулируя предложение о классификации доказательств на собираемые (получаемые) и формируемые исходя из степени влияния познавательной деятельности следователя, дознавателя на их содержание, автор обосновывает вывод о невозможности классифицировать сами следственные действия на способы собирания доказательств и способы их формирования.

Ключевые слова: следственные действия; процессуальные действия; доказательства; форма и содержание доказательства; способы собирания доказательств; формирование доказательств; информационный продукт.

Для цитирования: Лазарева В.А. Следственные действия как способы собирания и формирования доказательств // Jus strictum. 2025. № 1. С. 23–30. DOI: 10.18323/3034-2945-2025-1-60-3.

ВВЕДЕНИЕ

Теорию следственного действия можно считать одной из наиболее активно разрабатываемых в науке уголовно-процессуального права. В сфере внимания исследователей как общие вопросы понятия и сущности системы следственных действий [1–3], так и характеристика особенностей производства каждого отдельного следственного действия [4–6]. Интерес к этому процессуальному институту обусловлен главным образом его взаимосвязью с собиранием доказательств, а следовательно, и с самими доказательствами как инструментами установления обстоятельств совершенного преступления, средствами доказывания виновности в его совершении конкретного лица [7–9]. Однако как невозможно понять природу доказательств в уголовном процессе без взаимосвязи со следственными действиями, так невозможно понять и значение всей сложности регламентации порядка производства следственных действий без учета ее влияния на содержание и форму доказательств.

Согласно ч. 1 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), соби-

рание доказательств, как часть процесса доказывания, направленного на установление обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, осуществляется в ходе уголовного судопроизводства путем производства следственных и иных процессуальных действий, совершаемых дознавателем, следователем, прокурором и судом. Следовательно, способами собирания доказательств можно считать: а) следственные действия; б) некие иные процессуальные действия, не определенные законом. Таким образом, связь следственного действия с собиранием доказательств можно считать установленной. Однако понятие следственного действия, как и иных процессуальных действий, совершаемых органом расследования в целях собирания доказательств, УПК РФ не раскрывает, что сказывается на отсутствии единообразного понимания как следственного действия, так и собирания доказательств в теории уголовно-процессуального права. Впрочем, можно констатировать наличие и обратной связи – отсутствие ясного теоретического определения этих понятий отражается на полноте и четкости нормативно-правового регулирования.

Ситуация усугубляется тем, что в стремлении понять механизм появления в уголовном деле доказательств наука ввела в юридический лексикон быстро распространившееся понятие «формирование доказательств», чем обострила не менее дискуссионный вопрос о понятии самого доказательства. Эти обстоятельства сами по себе характеризуют актуальность предпринимаемого исследования.

Цель исследования – определение механизма взаимодействия таких категорий уголовно-процессуального права, как «собираение доказательств», «формирование доказательств» и «следственные действия», а также классификация следственных действий и доказательств по степени воздействия следователя на содержание последних.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании использовался метод системно-структурного анализа таких правовых и доктринальных явлений, как «собираение доказательств», «формирование доказательств», «следственное действие», «доказательство», с целью подтверждения гипотезы о нетождественности понятий «собираение доказательств» и «формирование доказательств», дающей новое основание для классификации следственных действий и доказательств, а также формирования критериев оценки доказательств в зависимости от способа их появления в материалах уголовного дела.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Понятие собирания и формирования доказательств

Собираение доказательств наукой уголовно-процессуального права традиционно рассматривается как способ познания обстоятельств совершенного преступления, как этап или, что точнее, элемент в структуре доказывания – «деятельности органов расследования, прокурора и суда с участием других субъектов процессуальной деятельности по *собиранию, закреплению, проверке и оценке (курсив наш. – В. Л.)* фактических данных, необходимых для установления истины по уголовному делу и решения задач уголовного судопроизводства» [10, с. 298]. Автор этих строк А.Р. Ратинов подчеркивал, что приведенной схемы процесса доказывания придерживаются все советские юристы, исследовавшие проблемы доказывания. Приняв на веру это утверждение, зафиксируем, что понятием «собираение доказательств» здесь охватывается поиск, обнаружение и получение информации об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, которая, чтобы ее можно было впоследствии использовать, должна быть закреплена «в зависимости от способа получения сведений о фактах... путем составления протоколов, а также вынесения постановлений (определений) о приобщении к делу вещественных доказательств» [10, с. 301]. Таким образом, изначально собирание доказательств и их закрепление рассматриваются как два отдельных, следовательно, различных этапа (или, что точнее, элемента) процесса доказывания. Соответственно, любые фактические данные, любая информация или любые сведения об обстоятельствах преступления рассматриваются как относимые доказательства, а фактические данные или сведения, по-

лученные и закреплённые предусмотренным законом способом, – как доказательства допустимые.

В то же время в теории уголовного процесса в соответствии со ст. 16 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, которая, как известно, послужила основанием для двойственной трактовки понятия доказательства, формируется представление о доказательствах как о единстве фактического содержания и способа их внешнего выражения, именуемого источником, что, как представляется, и привело к поглощению понятием «собираение доказательств» действий по их закреплению – пока доказательство не закреплено, оно не является доказательством в уголовно-процессуальном смысле этого понятия, т. е. не считается собранным. Закрепление сведений об обстоятельствах преступления путем составления протокола или вынесения постановления о приобщении доказательства к материалам уголовного дела придает им определенный внешний вид или предусмотренную законом форму, что и послужило основой для возникновения и развития научной концепции формирования доказательств как синонима их собирания. Доказательство в уголовно-процессуальном смысле возникает (формируется) в ходе восприятия и отражения в материалах дела следов преступления следователем, на что одним из первых еще в 1967 г. обратил внимание Р.С. Белкин [11]. Эту идею активно воспринял и в течение всей своей творческой жизни последовательно развивал С.А. Шейфер, поэтому в современной теории концепция формирования доказательств в процессе их собирания органом предварительного расследования ассоциируется именно с его именем, хотя ее поддерживают многие авторы [12–15]. Суть концепции формирования доказательств заключается в тезисе, что готовых доказательств в природе не существует, что ставит на повестку вопрос о том, сохраняет ли следственное действие свое значение как способ собирания доказательств или его следует рассматривать как способ формирования доказательств. Естественным образом обостряется и проблема понимания самого доказательства – что именно следователь собирает, если доказательство возникает (формируется) лишь в результате его действий, а не в ходе совершения преступления, оставляющего следы в материальном мире и сознании совершающих и наблюдающих его лиц.

Следственное действие в системе способов собирания доказательств

Теория следственного действия – наиболее развитая часть уголовно-процессуальной науки, привлекающая к себе внимание исследователей в силу высокой не только теоретической, но и практической значимости. Отсутствие официальной дефиниции следственного действия при том, что сам термин, по подсчетам С.Б. Россинского, в УПК РФ употребляется 198 раз [3], не только не способствует его единообразному восприятию, выработке обоснованных рекомендаций для практики, но и отражается на самом правовом регулировании. Рассматривая следственные действия как способ установления обстоятельств совершенного преступления, исследователи относят к их числу не все действия следователя, даже если в УПК РФ они называются следственными, а лишь те из них, которые имеют

познавательный характер. В таком, так называемом «узком смысле слова» [16, с. 20], к следственным действиям относятся только те из них, которые направлены на обнаружение, выявление и закрепление следов преступления и имеют своим результатом появление уголовно-процессуальных доказательств. К ним, безусловно, не относятся ни наложение ареста на имущество, упоминаемое в ст. 164 УПК РФ, посвященной общим правилам производства следственных действий, ни действия по реализации, утилизации и уничтожению вещественных доказательств, включенные в перечень следственных действий, проводимых на основании судебного решения (ч. 3.1 ст. 165 УПК РФ) [17]. Очевидно, что в названных выше статьях уголовно-процессуального закона термин «следственные действия» используется, как принято говорить, в «широком смысле слова», т. е. обозначает действия, производимые следователем или, если точнее, в процессе расследования, поскольку они могут производиться и дознавателем.

Здесь следует вспомнить, что доказательства в уголовном деле появляются не только в результате следственных действий, но и иным, гораздо более простым путем. Так, уже УПК РСФСР 1960 г. в ст. 70 предусматривал возможность получения доказательств путем требования от предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц и граждан: а) представления предметов и документов, могущих установить необходимые по делу фактические данные; б) восстановления бухгалтерского учета за счет собственных средств; в) производства ревизий и документальных проверок, а также путем г) принятия предметов и документов, инициативно представляемых не только потерпевшими, обвиняемыми и другими участниками уголовного процесса, но и любыми гражданами, предприятиями, учреждениями и организациями. Имеется такая возможность получения доказательств от участников уголовного процесса и сегодня (ч. 2 и 3 ст. 85 УПК РФ). Поскольку эти достаточно простые в применении процессуальные действия направлены на получение сведений, могущих иметь значение доказательств, отрицать их познавательный характер невозможно. Следовательно, познавательная природа (познавательная направленность или даже познавательная цель) процессуального действия не может рассматриваться как единственный или абсолютный отличительный признак следственного действия в том узком смысле этого понятия, в котором он обычно используется. Между понятиями «собирание доказательств» и «следственное действие», таким образом, есть прямая связь или взаимозависимость, но нет, что важно, знака равенства. Иными словами, всякое следственное – в указанном смысле – действие является способом собирания доказательств, но не все способы собирания доказательств могут считаться следственными действиями. Это обстоятельство нами будет использоваться в дальнейших рассуждениях, хотя в научных исследованиях можно встретить и иное мнение [18; 19].

Так, в работах С.А. Шейфера именно собирание доказательств, а не следственное действие зачастую определяется как «система действий, обеспечивающих восприятие субъектом доказывания объективно существующих следов изучаемого события, сопровождающихся формированием в сознании познавательного образа, а также действий, обеспечивающих сохранение этого

образа путем процессуальной фиксации результатов восприятия» [1, с. 24; 2, с. 9]. Признавая общую справедливость суждения, имеющего в своем основании ленинскую, как в то время называлось, теорию отражения как основу познания окружающего мира, обратим внимание на допущенную в этом высказывании подмену понятий, фактически отождествляющую собирание доказательств со следственными действиями. Результатом такого отождествления может быть вывод о том, что формирование доказательств в описанном выше значении происходит не только в ходе следственных действий, но и при получении доказательств таким путем, при котором, однако, никакого преобразования или переработки информации не происходит. Мысленный образ какого-либо явления на основе информации, содержащейся в представленных следователю предметах и документах, в сознании следователя, возможно, и возникает; возможно, он даже отражается в составляемом следователем, как рекомендовал С.А. Шейфер, «протоколе представления доказательства»¹, однако сам принятый следователем предмет или документ никакому преобразованию в процессе его восприятия не подвергается – он приобщается к материалам уголовного дела и изучается в следующих стадиях уголовного процесса в том виде, в котором он был представлен и принят. Не случайно тот же автор к описываемому способу собирания доказательств применил глагол «получение» [1, с. 73], несущий иную, менее активную смысловую нагрузку. Термин «собирание доказательств», как видим, хотя бы поэтому не идентичен термину «формирование доказательств», следовательно, он не может быть им заменен, как иногда предлагается [20]. Концепция формирования доказательств, таким образом, не является универсальной в том смысле, что она применима (если согласиться, что применима) не ко всем способам собирания доказательств, особенно учитывая увеличение их числа в связи с продолжающимся развитием порядка проверки оснований к возбуждению уголовного дела, рассмотрение которых не охватывается целью настоящего исследования и потому в дальнейших рассуждениях не учитывается. Но может ли эта концепция быть применена ко всем действиям, признаваемым следственными? Попробуем разобраться.

Следственное действие как способ формирования доказательств

Ответ на поставленный выше вопрос лишь отчасти зависит от того, как мы понимаем следственное действие, т. е. какие именно действия следователя и по какому критерию мы включаем в систему следственных действий, поскольку, как было показано выше, к этой проблеме есть различные подходы как у законодателя, так и в науке. Гораздо более важным представляется выяснить, все ли традиционно признаваемые следственными действия отвечают предложенному авторами и сторонниками концепции формирования доказательств сущностному критерию – преобразованию

¹ Шейфер С.А. *Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе*. М.: Всесоюзный юридический заочный институт, 1972. 130 с. С. 87. EDN: [JUPKKW](#).

сохраненной в следах преступления информации в результате ее вторичного отражения в сознании следователя, а затем – еще раз – в материалах уголовного дела. На наш взгляд, далеко не все.

Начнем с наиболее простого – с тех следственных действий, в результате которых в уголовном деле появляются вещественные доказательства. Это так называемые невербальные [21] следственные действия – осмотр места происшествия, местности, жилища и иного помещения (ст. 176 УПК РФ), осмотр трупа (ст. 178), обыск (ст. 182), личный обыск (ст. 184), выемка (ст. 183). В определенной степени к ним примыкает сочетающая признаки допроса и осмотра проверка показаний на месте, в ходе которой могут быть обнаружены материальные следы, соотносимые с проверяемыми показаниями (ст. 194 УПК РФ). Обнаруживаемые в ходе перечисленных следственных действий материальные объекты никакому преобразованию не подвергаются. Предмет или документ, имеющий указанные в ст. 81 УПК РФ признаки вещественного доказательства, представляет собой готовый информационный продукт, возникший (сформированный) в процессе совершения преступления (так называемое первичное отражение преступления в материальном мире).

Такие доказательства С.Б. Россинский назвал паратусными [22], т. е. готовыми. По отношению к ним нельзя говорить, что они сформировались в ходе следственного действия или после его окончания. Указание в ч. 2 ст. 81 УПК РФ на то, что, осмотрев предмет, следователь выносит постановление о признании его вещественным доказательством, означает лишь обязанность отразить в протоколе признаки, указанные в ч. 1 этой же статьи, подтверждающие его связь с преступлением, и обеспечить их сохранность. Фактически речь идет об определении статуса предмета, приобщенного к уголовному делу [23]. В то же время в ходе перечисленных следственных действий имеет место и формирование доказательств – протоколов соответствующих действий, которые в полном соответствии с концепцией формирования доказательств отражают не саму обстановку места, помещения, внешние признаки трупа, характеристики вещественного доказательства, а содержат описание действий следователя и сложившегося в его сознании в ходе этих действий познавательного образа обнаруженных и осмотренных им объектов, обстановки, в которой они пребывали до обнаружения, а также обстоятельств, при которых они были обнаружены.

Точно так же следователь формирует, а фактически «создает доказательства» (этот термин использовал и С.А. Шейфер [2, с. 28]) в ходе осмотра и выемки арестованных почтово-телеграфных отправлений – составляя протоколы названных следственных действий, следователь фиксирует в них информацию, отражающую результат его познавательной деятельности, обеспечивая тем самым сохранность этих отправлений и возможность их последующего использования в качестве доказательств. При этом сами почтовые и телеграфные отправления представляют собой готовые, т. е. уже сформированные без участия следователя, доказательства. Постановление о приобщении предмета или документа к материалам уголовного дела, как часть этого процесса, в этом случае имеет не познавательный, а не менее важный организационно-распорядительный

и правообеспечительный характер. К содержанию вещественного доказательства или документа постановление никакого отношения не имеет, соответственно, доказательством тоже не является, хотя как документ, подтверждающий совершение следователем предусмотренных законом действий, при определенных обстоятельствах может иметь значение доказательства.

Таким образом, можно утверждать, что не всякое следственное действие, являющееся способом собирания доказательств, можно рассматривать как способ формирования доказательств, и не всякое доказательство можно рассматривать как результат формирования при совершении следственных действий. Какие-то доказательства в ходе следственного действия обнаруживаются и приобщаются к уголовному делу (материальные объекты), а какие-то действительно создаются или формируются следователем (протоколы следственных действий). И в том, и в другом случае мы говорим о собирании доказательств, хотя в одном случае мы понимаем под доказательствами письменные сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, информацию об оставших следах событий, в другом – материальные носители этой информации как источники сведений об обстоятельствах, имеющих значение для дела.

Есть контакт? Есть проблемы

Познавательная сущность следственных действий, как следует из вышесказанного, это важный критерий выделения их из других совершаемых следователем процессуальных действий, но не единственный. Для того чтобы признать действие следственным, необходимо, чтобы доказательственную информацию из следов, оставленных событием, следователь извлекал на основе непосредственного контакта с ними, поскольку именно это обеспечивает то самое преобразование (перекодирование) содержащейся в следах преступления информации, которое придает следственному действию характер формирования доказательств. «Иная трактовка следственного действия как способа собирания доказательств, без указания, кто и каким образом превращает информацию, заключенную в следах, в доказательство в уголовно-процессуальном смысле, размывает это понятие и позволяет считать следственным действием любой канал поступления в уголовный процесс доказательственной информации» [24, с. 118]. Согласие с таким подходом позволяет исключить из системы следственных действий познавательного характера процедуры, не сопровождающиеся преобразованием информации сознанием следователя.

Одна из таких процедур предусмотрена ст. 186.1 УПК РФ (получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами), другая – ст. 186 (контроль и запись телефонных и иных переговоров). В обоих случаях для получения информации, имеющей значение для дела, следователь никаких поисковых операций не производит, он получает информационный продукт в готовом, т. е. сформированном виде. В первом случае это материальный носитель, содержащий запись разговоров, во втором – простой (иной) документ. Обе процедуры не имеют признаков формирования доказательств – эти доказательства, если мы имеем в виду их информационную сторону, формируются до, в процессе или даже после совершения преступления

без непосредственного контакта следователя с источниками информации. Никакого преобразования информации в процессе ее восприятия следователем в обоих случаях не происходит – следователь с ней знакомится, исследует ее, проверяет, оценивает, но формирует (изготавливает, создает) лишь протокол «осмотра и прослушивания фонограммы», как сказано в ч. 7 ст. 286 УПК РФ, или протокол осмотра документов (ч. 5 ст. 286.1 УПК РФ), хотя к такому правовому регулированию тоже есть вопросы. В частности, можно ли осмотреть фонограмму, которая представляет собой набор звуковых сигналов; зачем осматривать документы, содержащие письменную информацию о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами; какой смысл переписывать в протокол осмотра ту часть информации, которая, по мнению следователя, имеет отношение к делу, учитывая, что она приобщается к материалам дела в полном объеме; по какому признаку содержащий эту информацию документ закон предлагает считать вещественным доказательством? Как знать, возможно, такое нелогичное, неоправданное, можно сказать, нелепое правовое регулирование является следствием в том числе абсолютизированной концепции формирования доказательств, результатом стремления «натянуть» искусственную процессуальную форму на уже сформированный, т. е. готовый информационный продукт.

С позиций концепции формирования доказательств серьезные сомнения вызывает отнесение к следственным действиям и процедуры назначения и/или производства судебной экспертизы, которая состоит из различных по своей природе действий – организационных, правообеспечительных и познавательных, следователем. Роль следователя в этой процедуре очень важна – следователь определяет вид экспертизы и выбор эксперта, обозначает объект исследования, формулирует подлежащие разрешению вопросы, обеспечивает соблюдение соответствующих прав обвиняемого и потерпевшего и т. д., но все это не имеет никакого отношения к познавательной деятельности, следователь не проводит исследований, не выявляет, не изучает и не толкует доказательственную информацию, не формулирует выводы. Заключение эксперта для следователя в этом смысле тоже представляет собой готовый информационный продукт; выявляет, исследует и преобразует выявленную информацию в доказательство, т. е., используя свойственную концепции формирования доказательств терминологию, формирует заключение эксперта сам эксперт, но никак не следователь. Теоретическая конструкция назначения экспертизы как следственного действия, рассматриваемого с позиций концепции формирования следователем доказательств, выглядит искусственной.

С рассматриваемых позиций трудно согласиться с отнесением к следственным действиям и задержания подозреваемого, хотя протокол задержания при определенных обстоятельствах может рассматриваться как имеющий значение доказательства документ, подтверждающий, например, наличие на одежде, теле подозреваемого следов преступления, а также получения (а в некоторых случаях именно формирования) образцов для сравнительного исследования, которые при всей своей важности не являются следами преступления. Трудно признать полноценным следственным действием освидетельствование, сопряженное с обнажени-

ем лица иного, чем следователь, пола – непосредственного контакта следователя с носителем информации здесь не происходит, а протокол освидетельствования, составляемый следователем с чужих слов, больше похож на протокол допроса. Не имеют еще четкого ответа вопросы о доказательственном значении информации, полученной в ходе оперативно-розыскной деятельности [25] и так называемой доследственной проверки. Есть и другие проблемы собирания доказательств при производстве по уголовному делу, не имеющие однозначного теоретического решения и затрудняющие их законодательное урегулирование, поэтому тема собирания доказательств в уголовном процессе далеко не исчерпана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование процедур, которые в той или иной степени имеют отношение к появлению в уголовном деле доказательств, позволяет констатировать наличие взаимосвязи между доказательствами и способами их собирания. Сложность самого понятия доказательства, как а) сведений об обстоятельствах, имеющих значение для разрешения уголовного дела, и б) обеспечивающей сохранность этих сведений внешней формы, объективно обуславливает различие способов собирания сведений о доказываемых обстоятельствах. В тех случаях, когда эти сведения имеют собственную форму, деятельность органа предварительного расследования представляет собой собирание (готовых) доказательств – предметов и документов, но при собирании сведений, не имеющих собственной формы, правомерно говорить о формировании доказательств (протоколов следственных действий, включая протоколы допроса и его разновидности – очной ставки).

Формирование доказательств возможно только путем производства следственных действий, тогда как собирание доказательств, сформированных естественным путем, может производиться и иными процессуальными действиями. К иным процессуальным, но не следственным действиям с рассматриваемых позиций следует, в частности, относить назначение экспертизы, истребование информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами, истребование и/или принятие (получение) результатов записи контролируемых телефонных и иных переговоров.

Учитывая, что ход и результаты следственных действий всегда фиксируются в соответствующих протоколах, каждый из них всегда является способом собирания одних доказательств и формирования других. Поэтому рассмотренный в настоящей статье классификационный критерий относится не столько к следственным действиям, сколько к самим доказательствам. Часть доказательств представляет собой результат объективного отражения событий, связанных с преступлением, другая несет в себе информацию, преобразованную сознанием следователя.

Характеристика следственного действия как способа собирания или способа формирования доказательств позволяет различать доказательства по степени объективности их информационного содержания, а следовательно, оценивать их с учетом присутствия/отсутствия фактора влияния на их содержание психической деятельности следователя, дознавателя. Значимость этого

фактора обусловлена не только определенной законом обвинительной функцией следователя, дознавателя, но и самим наличием его как обстоятельства, ограничивающего непосредственность исследования судом доказательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Шейфер С.А. Собираение доказательств в советском уголовном процессе. Саратов: Саратовский университет, 1986. 170 с.
- Шейфер С.А. Следственные действия: система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с. EDN: [NGGUDB](#).
- Россинский С.Б. Следственные действия. М.: Норма, 2018. 240 с.
- Рыжаков А.П. Следственные действия и иные способы собирания доказательств. М.: Филинь, 1997. 334 с.
- Семенцов В.А. Проверка правдивости показаний на полиграфе // Российский юридический журнал. 2011. № 2. С. 111–116. EDN: [NLQORB](#).
- Семенцов В.А. Новое следственное действие – проверка показаний на полиграфе // Российский юридический журнал. 2010. № 5. С. 132–137. EDN: [MUQDHB](#).
- Комиссарова Я.В. Обоснованность методик экспертиз с применением полиграфа // Уголовный процесс. 2013. № 7. С. 74–83. EDN: [QJEWPD](#).
- Соловьев А.Б. Доказывание по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (досудебные стадии). М.: Юрлитинформ, 2003. 264 с.
- Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве / отв. ред. Л.Н. Масленникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2021. 448 с.
- Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. Изд. 2-е испр. и доп. М.: Юридическая литература, 1973. 736 с.
- Белкин Р.С. Перспективы развития советской криминалистики // Труды Высшей школы МООП СССР. Вып. 15. М.: НИиРИО ВШ МООП СССР, 1967. С. 3–11.
- Михеенко М.М. Доказывание в советском уголовном судопроизводстве. Киев: Вища школа, 1984. 133 с.
- Зайцев О.А. Теоретические взгляды профессора С.А. Шейфера на концептуальные проблемы теории доказательств // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11-1. С. 29–35. EDN: [SYMABT](#).
- Доля Е.А. Происхождение доказательств в уголовном судопроизводстве // Законность. 2016. № 10. С. 65–70. EDN: [XAAGDH](#).
- Абдуллаев Я.Д., Миллер В.Ю. Две концепции формирования доказательств в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1. С. 75–79. DOI: [10.36511/2078-5356-2021-1-75-79](#).
- Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве: общие положения теории и практики. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2006. 300 с.
- Осодоева Н.В. К вопросу о возможности отнесения некоторых процессуальных действий к следственным в уголовном судопроизводстве // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 1. С. 87–94. DOI: [10.17150/1819-0928.2022.23\(1\).87-94](#).
- Баранов А.М. Следственные действия или способы собирания доказательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 7. С. 17–21. EDN: [VOYAJK](#).
- Давыдовская М.В. Следственные действия и иные способы собирания доказательств: существенны ли различия? // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2022. № 4. С. 19–24. EDN: [KGXWEG](#).
- Семенцов В.А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 5. Самара: Самарский университет, 2010. С. 236–242. EDN: [YLYUCX](#).
- Россинский С.Б. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2015. 224 с.
- Россинский С.Б. Средства доказывания в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9. № 1. С. 37–45. DOI: [10.18287/2542-047X-2023-9-1-37-45](#).
- Россинский С.Б. Собираение доказательств vs исследование доказательств в контексте Шейферовской теории следственных действий (к 100-летию со дня рождения Учителя) // Юридический вестник Самарского университета. 2024. Т. 10. № 3. С. 47–54. DOI: [10.18287/2542-047X-2024-10-3-47-54](#).
- Шейфер С.А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки? // Lex Russica (Русский закон). 2015. Т. 107. № 10. С. 115–127. EDN: [VASXVV](#).
- Тихонов С.Е. Вопросы допустимости доказательств, полученных в результате оперативно-разыскных мероприятий, направленных на подмену следственных действий // Криминалистика. 2024. № 1. С. 89–94. EDN: [HSJMWA](#).

REFERENCES

- Sheyfer S.A. *Sobiranie dokazatelstv v sovetskom ugolovnom protsesse* [Collection of evidence in Soviet criminal procedure]. Saratov, Saratovskiy universitet Publ., 1986. 170 p.
- Sheyfer S.A. *Sledstvennye deystviya: sistema i protsesualnaya forma* [Investigative actions. System and procedural form]. Moscow, YurLitinform Publ., 2001. 208 p. EDN: [NGGUDB](#).
- Rossinskiy S.B. *Sledstvennye deystviya* [Investigative actions]. Moscow, Norma Publ., 2018. 240 p.
- Ryzhakov A.P. *Sledstvennye deystviya i inye sposoby sobiraniya dokazatelstv* [Investigative actions and other methods of collecting evidence]. Moscow, Filin Publ., 1997. 334 p.
- Sementsov V.A. Polygraph examination. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2011, no. 2, pp. 111–116. EDN: [NLQORB](#).
- Sementsov V.A. New investigative action – verification of polygraph readings. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2010, no. 5, pp. 132–137. EDN: [MUQDHB](#).
- Komissarova Ya.V. Substantiation of a technique using polygraph examinations. *Ugolovnyy protsess*, 2013, no. 7, pp. 74–83. EDN: [QJEWPD](#).

8. Solovov A.B. *Dokazyvanie po Ugolovno-protsesualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (dosudebnye stadii)* [Proof by the Rules of Criminal Procedure of the Russian Federation (pre-trial stages)]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2003. 264 p.
9. Maslennikova L.N., ed. *Dokazyvanie i prinyatie resheniy v sostyazatelnom ugolovnom sudoproizvodstve* [Proof and decision making in adversary criminal proceedings]. 2nd ed., pererab. i dop. Moscow, Norma Publ., 2021. 448 p.
10. Zhogin N.V., ed. *Teoriya dokazatelstv v sovetskom ugolovnom protsesse* [Theory of evidence in Soviet criminal procedure]. 2nd ed. ispr. i dop. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1973. 736 p.
11. Belkin R.S. Prospects for the development of Soviet criminalistics. *Trudy Vysshey shkoly MOOP SSSR*. Moscow, NIiRIO VSh MOOP SSSR Publ., 1967. Vyp. 15, pp. 3–11.
12. Mikheenko M.M. *Dokazyvanie v sovetskom ugolovnom sudoproizvodstve* [Proof in Soviet criminal proceedings]. Kiev, Vishcha shkola Publ., 1984. 133 p.
13. Zaytsev O.A. Theoretical views of professor S.A. Sheifer on conceptual problems in the theory of proof. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 11-1, pp. 29–35. EDN: [SYMABT](#).
14. Dolya E.A. The origin of evidence in criminal proceedings. *Zakonnost*, 2016, no. 10, pp. 65–70. EDN: [XAAGDH](#).
15. Abdullaev Ya.D., Miller V.Yu. Two approaches of evidence formation in criminal procedure. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2021, no. 1, pp. 75–79. DOI: [10.36511/2078-5356-2021-1-75-79](#).
16. Sementsov V.A. *Sledstvennye deystviya v dosudebnom proizvodstve: obshchie polozheniya teorii i praktiki* [Investigative actions in pre-trial proceedings: general provisions of theory and practice]. Ekaterinburg, Uralskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya Publ., 2006. 300 p.
17. Osodoeva N.V. On the issue of the possibility classifying certain procedural actions as investigative in criminal proceeding. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal*, 2022, vol. 23, no. 1, pp. 87–94. DOI: [10.17150/1819-0928.2022.23\(1\).87-94](#).
18. Baranov A.M. Investigative actions or methods of collecting evidence. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2023, no. 7, pp. 17–21. EDN: [VOYAJK](#).
19. Davydovskaya M.V. Investigative actions and other ways of collecting evidence: are there significant differences? *Vestnik Dalnevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2022, no. 4, pp. 19–24. EDN: [KGXWEG](#).
20. Sementsov V.A. Formation of evidence in the structure of criminal procedural evidence. *Aktualnye problemy sovremennogo ugolovnogo protsesssa Rossii: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. Samara, Samarskiy universitet Publ., 2010. Vyp. 5, pp. 236–242. EDN: [YLYUCX](#).
21. Rossinskiy S.B. *Rezultaty “neverbalnykh” sledstvennykh i sudebnykh deystviy kak vid dokazatelstv po ugolovnomu delu* [Results of “non-verbal” investigative and judicial actions as a type of evidence in a criminal case]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 224 p.
22. Rossinskiy S.B. Means of proving in criminal proceedings. *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta*, 2023, vol. 9, no. 1, pp. 37–45. DOI: [10.18287/2542-047X-2023-9-1-37-45](#).
23. Rossinskiy S.B. Collection of evidence vs examination of evidence in the context of the Shafer theory of investigative actions (on the 100th anniversary of the Teacher’s birthday). *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta*, 2024, vol. 10, no. 3, pp. 47–54. DOI: [10.18287/2542-047X-2024-10-3-47-54](#).
24. Sheyfer S.A. Investigative action – the legitimacy of new interpretation? *Lex Russica (Russkiy zakon)*, 2015, vol. 107, no. 10, pp. 115–127. EDN: [VASXVV](#).
25. Tikhonov S.E. Issues of the admissibility of evidence obtained as a result of operational investigative measures aimed at replacing investigative actions. *Kriminalist*, 2024, no. 1, pp. 89–94. EDN: [HSJMWA](#).

Investigative actions as methods of collection and formation of evidence

Valentina A. Lazareva, Doctor of Sciences (Law), Professor

Academician S.P. Korolev Samara National Research University, Samara (Russia)

E-mail: lazareva.va@ssau.ru,
v.a.lazareva@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2725-9517>

Received 10.02.2025

Revised 14.02.2025

Accepted 20.02.2025

Abstract: The paper considers concepts of investigative action competing in the theory of criminal procedure – the concept of investigative action as a method of collecting evidence and the concept of investigative action as a method of forming evidence. By studying the mechanism of interaction of the preliminary investigation body with traces of a crime, the author substantiates the nonidentity of the concepts of “collection of evidence” and “formation of evidence” in order to determine the place of each of them in the system of criminal proceedings. The study shows that the discussion about the nature of investigative action is generated by a complex, multi-component and ambiguous concept of evidence, which has informational (cognitive) content and an external form that preserves this content, both independent of the actions of the investigator, inquiry officer and created (formed) by him during investigative actions. According to the author, the two scientific concepts of the epistemological nature of investigative action considered in the paper are based on the difference between ready (paratus, according to S.B. Rossinsky) evidence and evidence that

receives a procedural form in the process of investigative action. Taking into account the nonidentity of the concepts of “collection of evidence” and “formation of evidence” noted in the paper, the author rejects the proposal made in science to replace the first term with the second. Each of them has its own content, and none of them is a universal characteristic of an investigative action, the structure of each of which contains both rules regulating the process of collecting evidence and rules concerning the formation of evidence. Formulating a proposal to classify evidence into collected (received) and formed, based on the degree of influence of the cognitive activity of the investigator, inquiry officer on their content, the author substantiates the conclusion about the impossibility of classifying investigative actions themselves into methods of collecting evidence and methods of their formation.

Keywords: investigative actions; legal proceedings; evidence; evidence form and content; methods of collection of evidence; formation of evidence; information product.

For citation: Lazareva V.A. Investigative actions as methods of collection and formation of evidence. *Jus strictum*, 2025, no. 1, pp. 23–30. DOI: 10.18323/3034-2945-2025-1-60-3.

Некоторые особенности в обязательствах сторон по договору аренды

Маштаков Игорь Владимирович, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Гражданское право и процесс»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

E-mail: i.mashtakov@tltsu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3797-9158>

Поступила в редакцию 21.01.2025

Пересмотрена 11.02.2025

Принята к публикации 07.03.2025

Аннотация: На сегодняшний день общие и специальные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды предоставляют возможность выделить некоторые особенности в обязательствах сторон, которые могут свидетельствовать об отдельных проблемах осуществления таких обязательств. Поэтому мы попытались обнаружить связанные с этим проблемы и подвергли определенному анализу основные обязательства сторон в договоре аренды. В результате на поверхности нашего внимания оказались проблемы, связанные с достижением сторонами договора аренды главного пользовательского эффекта, позволяющего арендодателю и арендатору быть удовлетворенными заключенным договором. Главным образом с помощью формально-юридического метода исследования, методов системного и сравнительного анализа мы обнаружили некоторые проблемы, связанные с обязательствами арендодателя по созданию и обеспечению условий для надлежащего владения и пользования объектом аренды, а также обязательствами арендатора по надлежащему использованию такого объекта, его должному содержанию и необходимому обслуживанию. Полученные результаты исследования позволяют нам говорить о том, что нормы гражданского законодательства об аренде могут быть конкретизированы в сфере осуществления арендатором своего обязательства по надлежащему использованию арендованного имущества с учетом ответной конкретизации обязательства арендодателя по созданию и обеспечению для этого соответствующих условий. Мы пришли к общему выводу, что предлагаемая конкретизация положений гражданского законодательства не может быть полностью заменена усмотрением самих сторон в договоре аренды. Основным результатом исследования заключается в том, что проблема ненадлежащего использования или фактического неиспользования объекта в период действия договора аренды создает для арендодателя определенные трудности, которых можно было бы избежать более детальным правовым регулированием соответствующих обязательств арендатора, а также некоторых общих обязательств сторон договора.

Ключевые слова: аренда; арендодатель; арендатор; владение; пользование; посессорная аренда; непосессорная аренда; объект аренды; нормальный износ; текущий ремонт; капитальный ремонт.

Для цитирования: Маштаков И.В. Некоторые особенности в обязательствах сторон по договору аренды // Jus strictum. 2025. № 1. С. 31–39. DOI: 10.18323/3034-2945-2025-1-60-4.

ВВЕДЕНИЕ

Высокая концентрация арендных отношений в гражданском обороте подтверждается широким использованием гражданского законодательства об аренде в существующей судебной практике, поскольку положения такого законодательства не являются абсолютно безупречными с точки зрения однозначности понимания. Некоторые положения закона требуют анализа и обсуждения как на теоретическом уровне, так и в практической сфере их применения.

Центральным звеном, составляющим содержание договора аренды, является регламентация основных прав и обязанностей сторон, которая устанавливает взаимные обязательства арендодателя и арендатора по отношению друг к другу. Проблемы, которые могут возникать у сторон договора аренды в рамках своих обязательств, связаны в первую очередь с тем, что главное обязательство арендодателя по передаче объекта аренды в пользование сформулировано в действующем гражданском законодательстве в общем виде, без дополнительной конкретизации самого процесса использования арендованного имущества. Законодатель,

видимо, сознательно оставляет такую конкретизацию на усмотрение сторон, которые дополнительно могут подробно расписать в тексте договора сам процесс использования объекта аренды. Но на практике зачастую стороны договора ограничиваются стандартным кратким законодательным минимумом тех предписаний, которые являются шаблоном для всех примерных договоров аренды. Отсюда и возникают спорные ситуации, когда сам процесс использования объекта аренды или его фактическое неиспользование начинают все больше не устраивать арендодателя.

Кроме того, существует проблема, связанная с обязанностью арендатора использовать объект аренды таким образом, чтобы суметь обеспечить баланс между естественным нормальным износом такого объекта и его сохранностью в целом, поскольку арендодатель может усмотреть в пользовательском процессе со стороны арендатора признаки гражданского правонарушения. Положения гражданского законодательства не проводят четкого разграничения пределов обязательств арендатора и оснований для его ответственности за несохранность объекта аренды.

Не менее важной является проблема нуждаемости арендатора в дополнительном правовом регулировании процесса содействия со стороны арендодателя. Гражданское законодательство оставляет этот вопрос опять же на усмотрение самих сторон договора, но, на наш взгляд, общие формулировки законодателя об обеспечении надлежащих условий для использования объекта аренды могли бы быть конкретизированы в рамках конструкции смешанного договора аренды и возмездного оказания услуг.

Мы попытались построить наше исследование вокруг обозначенных проблем в законодательстве об аренде, поэтому обратились к общим положениям гл. 34 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в которой обязательства сторон представлены как в общем виде (параграф 1 гл. 34), так и применительно к отдельным видам договора аренды (параграфы 2–6 гл. 34).

Следует отметить, что правовые особенности гражданско-правовой характеристики взаимных обязательств сторон по договору аренды никогда не испытывали дефицита внимания исследователей-цивилистов. Так, один из авторов, характеризуя главное обязательство арендодателя по предоставлению имущества арендатору, обосновывает консенсуальную природу договора аренды, отвергая возможность заключения договора аренды только после фактической передачи его объекта [1]. Это представляется нам вполне логичным и актуальным для исследования проблемы определения момента, с которого арендодатель считается исполнившим свое главное по договору обязательство. Другой автор, исследуя проблемы правового регулирования договора аренды, пришел к выводу о преимущественно диспозитивном характере соответствующих норм ГК РФ [2]. Данный вывод актуален для исследования проблемы отсутствия императивной конкретизации в установлении порядка использования объекта аренды арендатором, поскольку диспозитивных норм закона для этого может оказаться недостаточно. Следующий автор, рассматривая особенности передачи в аренду объектов публичной собственности, приходит к выводу, что для зданий и сооружений как объектов аренды необходим классификатор разрешенного использования по аналогии с земельными участками [3]. В рамках нашего исследования данный вывод актуален для решения проблемы ненадлежащего использования арендатором переданного ему объекта. Это далеко не полный перечень обнаруженных в юридической литературе проблем по теме нашего исследования.

Цель исследования – анализ положений ГК РФ, позволяющих выявить актуальную специфику в понимании отдельных обязательств сторон по договору аренды.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализируемые нормы ГК РФ позволили нам с помощью формально-юридического метода исследования выявить предполагаемое законодателем содержание основных обязательств арендодателя и арендатора в рамках существующей между ними правовой связи. Этот метод помог также уяснить основное назначение каждого исследованного нами обязательства сторон в договоре аренды. С помощью метода системного анализа обязательства сторон по договору были проанализированы как взаимные, корреспондирующие друг дру-

гу. Например, обязательство арендодателя по предоставлению объекта аренды контрагенту было исследовано во взаимосвязи с обязательством арендатора не только принять арендованное имущество, но и фактически его использовать. Таким же образом проанализированы обязательства сторон в отношении обеспечения условий и обязательности использования объекта аренды строго по назначению. Метод сравнительного анализа позволил выявить отличительные особенности общего обязательства для обеих сторон – обязательства по содержанию арендованного имущества, а также установить разницу между исполнением такого обязательства в рамках риска возложения бремени содержания такого имущества на одну из сторон и его исполнением в результате нарушения ранее принятых на себя обязательств одной из сторон.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках проведенного исследования мы пришли к следующим результатам.

Во-первых, мы обратили внимание на проблему отсутствия прямого закрепления в ГК РФ обязанности арендатора использовать объект аренды. Особенно проблематично это выглядит для пользовательского вида договора аренды (непосессорной аренды). Тип таких договоров непосессорной аренды не возлагает на арендатора обязанности использовать объект аренды во чтобы то ни стало, как полностью, так и частично. Мы пришли к выводу, что это не кредиторская обязанность арендатора – это его право, но при этом кредиторская обязанность арендодателя по предоставлению имущества в аренду для таких случаев будет считаться исполненной. Анализ этой проблемы показал, что само существование арендного обязательства, а именно характер объекта аренды, может предполагать обязанность арендатора в любом случае использовать такой объект (например, часть земельного участка или часть нежилого помещения, здания, сооружения), чтобы не допустить ухудшения качественного состояния арендованного имущества в целом или нарушения прав других пользователей объекта аренды.

Во-вторых, предыдущая проблема логично связана с другой проблемой – отсутствием прямого закрепления в ГК РФ обязанности арендатора обеспечить сохранность объекта аренды или тем более гарантировать такую сохранность по аналогии с обязательством профессионального хранителя. По нашему мнению, такая обязанность может вытекать из предусмотренной в ГК РФ обязанности арендатора по должному содержанию и необходимому обслуживанию объекта аренды. Более того, предполагаемая законом и существом обязательства аренды обязанность по сохранности арендованного объекта может быть прямо предусмотрена сторонами в тексте договора, и арендатор может согласиться гарантировать такую сохранность, как если бы он был профессиональным хранителем. В любом случае арендатору стоит принять должные меры, свидетельствующие о необходимой степени его заботливости и осмотрительности (абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ), чтобы считаться невиновным на случай гибели, утраты или повреждения объекта аренды, избежать ответственности в виде возмещения убытков и иных неблагоприятных имущественных последствий.

В-третьих, арендатор в период действия договора аренды вынужден постоянно обращаться к арендодателю за помощью при возникновении каких-либо обстоятельств, препятствующих реализации договора, с напоминанием о надлежащем исполнении обязанности арендодателя по обеспечению необходимых условий для нормального владения и пользования арендованным имуществом. Такие взаимоотношения сторон договора аренды дают основания квалифицировать рассматриваемое обязательство арендодателя как длящееся. В связи с этим вполне обоснованной представляется позиция, согласно которой подобные обременительные обязанности арендодателя могли бы свидетельствовать о так называемом смешанном договоре, сочетающем в себе аренду с возмездным оказанием услуг. Более того, логичнее возникновение указанных обстоятельств нейтрализовать распределением между сторонами договора аренды соответствующих рисков несения или претерпевания неблагоприятных для них последствий.

В-четвертых, мы обратили внимание на проблему соотношения общего обязательства сторон в договоре аренды по содержанию арендованного имущества с вопросом нахождения такого имущества в состоянии нормального естественного износа, что вполне свойственно правовой природе наступления последствий в результате реализации субъективного права пользования [4]. Поскольку закон допускает нормальный естественный износ объекта аренды (абз. 1 ст. 622 ГК РФ), то говорить об обязанности арендатора производить текущий ремонт с целью устранить последствия такого износа не приходится. В противном случае правила п. 2 ст. 616 и абз. 1 ст. 622 ГК РФ противоречили бы друг другу. Мы пришли к выводу, что в рамках реализации правила ст. 616 ГК РФ приходится говорить о несении сторонами договора аренды риска возникновения необходимости проведения ремонта. Если же будет доказано, что данный риск воплотился в реальность из-за ненадлежащего исполнения кем-либо из сторон своих иных непосредственных обязанностей по договору, то налицо правонарушение и наступление ответственности. Все причины невозможности дальнейшего использования объекта аренды должны быть устранены за счет нарушившей свои обязательства стороны договора, независимо от того, какой по характеру предстоит выполнить ремонт – капитальный или текущий. Такой вывод можно сделать на основании системного толкования положений ст. 612, п. 1 и 3 ст. 615 и абз. 1 ст. 622 ГК РФ.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Особенности в обязательствах арендодателя

Согласно п. 1 ст. 611 ГК РФ, «арендодатель обязан предоставить арендатору вещь в состоянии, соответствующем условиям договора аренды и назначению имущества». Это выражение нужно понимать так: при посессорной аренде – фактически передать и не препятствовать использованию, а при непосессорной аренде – обеспечить доступ к объекту аренды и не чинить препятствия в пользовании таким объектом [5]. Поскольку договор аренды консенсуальный, то фактическая передача объекта аренды может быть произведена уже после заключения договора, в рамках его исполнения.

Данной обязанности арендодателя соответствует право требования арендатора. Реализация права требования особенно актуальна для арендатора, чтобы полноценно пользоваться всеми правами законного владельца, включая правовые средства защиты от притязаний третьих лиц (ст. 305 ГК РФ). Поэтому, пока арендатор фактически объектом аренды не обладает, он не считается законным владельцем и не может ссылаться в отношениях с третьими лицами только на наличие заключенного договора аренды [6].

Что касается срока исполнения главной обязанности арендодателя, то момент передачи объекта аренды, как правило, привязан в условиях договора к какой-нибудь конкретной дате или временному периоду. Опять же, если стороны об этом не позаботились в договоре, им придется руководствоваться общими правилами закона о сроке исполнения обязательства (ст. 314 ГК РФ).

Применительно к объекту аренды, который по закону и назначению является движимой вещью и подлежит передаче арендодателем, можно говорить о простом вручении данной вещи арендатору (как бы из рук в руки). Если движимая по закону вещь имеет большие размеры и носит технически сложный характер [7], то к факту ее передачи в аренду приравнивается передача ключей и документов от нее (аналогично передается вещь от продавца к покупателю).

Эти рассуждения, как уже было нами замечено, опираются на право арендатора пользоваться взятой в аренду вещью (имуществом), реализация данного права – исключительная прерогатива самого арендатора. Поэтому, если арендатор не приступает к использованию, например, арендованного земельного участка, но при этом имеет такую фактическую возможность, то ни в коем случае нельзя говорить о просрочке кредитора (арендодателя) в отношении исполнения своей обязанности по передаче объекта аренды.

Для подтверждения юридического факта введения арендатора в состояние фактического владения объектом аренды арендодатель инициирует подписание с арендатором акта приема-передачи такого объекта. Чтобы потом не испытывать проблем со взысканием с арендатора арендной платы или с правильным определением ее размера, для арендодателя важна фиксация момента такой передачи. Положения ГК РФ считают обязательным составление и подписание акта приема-передачи для отдельных видов аренды, например для аренды зданий и сооружений (ст. 655 ГК РФ). Отсутствие подобного акта в принципе не лишает арендодателя права и возможности доказывать фактическое вступление арендатора во владение объектом аренды, однако свою правоту арендодатель может так и не доказать, ссылаясь только на факт освобождения объекта аренды для арендатора и наличие фактического доступа у последнего к этому объекту [8]. Особенно трудно придется арендодателю доказывать факт вступления арендатора во владение объектом аренды, если для принятия такого объекта предусмотрена символическая передача ключей (например, от закрытого нежилого помещения), а арендатор уклоняется от их получения. Трудно представить ситуацию, когда арендодатель может осуществить такую передачу насильно законными способами, вопреки воле арендатора.

Применительно к непосessorной аренде исполнение рассматриваемой обязанности арендодателя сводится к предоставлению доступа к объекту аренды (тренажерный зал, бассейн, каток и т. п.). Поэтому, если купленный абонемент на посещение так и не был использован арендатором на условиях и в сроки, установленные публичной офертой арендодателя, то арендатору будет проблематично взыскать с арендодателя деньги за неиспользованный абонемент. Тип таких договоров непосessorной аренды не возлагает на арендатора обязанности использовать объект аренды во чтобы то ни стало, как полностью, так и частично. Например, не пошел в бассейн или на каток в указанный в абонементе срок, или пошел, но не плавал, не встал на коньки, просидел на лавочке, полюбовался на других. Это не кредиторская обязанность арендатора – это его право, но кредиторская обязанность арендодателя для таких случаев будет считаться исполненной.

Если объектом аренды оказалась какая-либо часть недвижимой вещи, например, арендатора интересует только часть нежилого помещения или земельного участка, то в этом случае вопрос об обязанности использования такого объекта аренды при условиях непосessorной аренды может оказаться принципиальным для арендодателя. Например, фактическое неиспользование части земельного участка может привести к ухудшению качественного природного состояния всего объекта арендодателя, или неиспользование части нежилого помещения, изначально предназначенного для функционирования буфета или столовой в строго определенные часы работы организации (учреждения) арендодателя, вызовет недовольство его сотрудников. В юридической литературе дискуссионно обсуждается вопрос о квалификации подобной аренды уже как посessorной, если считать допустимым не только пользование, но и владение частью вещи [9].

Задачей арендодателя является не только надлежащая передача объекта аренды, но и то, чтобы такой объект был пригоден для нормального или целевого использования арендатором. Пригодность зависит от качества состояния вещи, имущества, передаваемых в аренду. В противном случае у арендатора есть право защищаться законными средствами при обнаружении недостатков в объекте аренды, свидетельствующих о его ненадлежащем качестве (ст. 612 ГК РФ). Речь главным образом идет о тех недостатках, которые возникли (имели место) до передачи объекта арендатору и независимо от того, знал ли о таких недостатках сам арендодатель или не знал (скрытые недостатки).

Проблемными могут оказаться обстоятельства, при которых первоначально качественный объект аренды в процессе эксплуатации потерял былую пригодность своего использования, а срок договора аренды еще не закончился. Или арендатор в рамках непосessorной аренды, пролонгированной по условиям договора на новый срок, осуществляя очередной временный доступ к объекту аренды, обнаруживает ухудшение состояния данного объекта и все более очевидные его недостатки, препятствующие удовлетворимости нормального использования. Представляется, что данные проблемные вопросы подлежат разрешению судебной практикой.

После того как главная обязанность арендодателя по передаче объекта аренды будет считаться надлежащим

образом исполненной, следующей не менее важной его обязанностью станет создание и обеспечение условий арендатору для надлежащего владения и пользования объектом аренды. Арендатор не может оставаться без пристального внимания арендодателя. Да и сам арендодатель не заинтересован в оставлении арендатора и переданного ему объекта без внимания. Арендатор вынужден постоянно обращаться к арендодателю за помощью при возникновении каких-либо обстоятельств, препятствующих реализации договора, с напоминанием о надлежащем исполнении обязанности арендодателя по обеспечению необходимых условий для нормального владения и пользования арендованным имуществом. Такие взаимоотношения сторон договора аренды дают основания квалифицировать рассматриваемое обязательство арендодателя как длящееся.

В связи с этим в литературе обозначилась позиция, согласной которой подобные обременительные обязанности арендодателя могли свидетельствовать о так называемом смешанном договоре, сочетающем в себе аренду с возмездным оказанием услуг, например договоре аренды курортной жилой площади на длительный срок [10]. Тем не менее диспозитивные правила ГК РФ, допускающие такое смешение, позволяют в условиях договора аренды освободить от подобных обязанностей арендодателя, переложив их на арендатора. На наш взгляд, логичнее возникновение указанных обстоятельств нейтрализовать распределением между сторонами договора соответствующих рисков несения или претерпевания неблагоприятных для них последствий, тем более что закон не запрещает в условиях договора перекладывать подобные риски непосредственно на арендатора.

Рассмотренные обязательства арендодателя не являются единственными, их перечень можно расширить. На обеих сторонах договора, в том числе и на арендодателе, лежат, помимо прочего, так называемые информационные обязательства, которые, как правило, исполняются через различного рода уведомления арендатора (юридически значимые сообщения), например, о предъявлении претензий к объекту аренды со стороны третьих лиц, о наступлении обстоятельств непреодолимой силы [11], об изменениях в порядке расчета арендной платы и т. п.

Особенности в обязательствах арендатора

Общеизвестным в законе фактом является то, что договор аренды является возмездным, а следовательно, среди обязательств арендатора главным является встречное имущественное предоставление в пользу арендодателя в ответ на получение во владение или пользование объекта аренды. Такое имущественное предоставление закон называет арендной платой (ст. 614 ГК РФ), подразумевая в первую очередь передачу денег (оплату). Как и в большинстве гражданско-правовых обязательств, где предусмотрена оплата деньгами, внесение арендной платы может быть в порядке полной предоплаты, а также в порядке отсрочки или рассрочки платежа. В практике гражданского оборота при аренде недвижимости в договоре обычно ставятся условия о ежемесячных периодических платежах в течение всего срока действия договора [12].

ГК РФ предусмотрел не только денежную форму арендной платы, но и другие варианты предоставления арендодателю арендатором имущественных благ, которые по замыслу законодателя должны в принципе

устраивать арендодателя, удовлетворять его запросы и ожидания от заключенного договора аренды.

Если обратиться к общему правилу ГК РФ о несении расходов на исполнение обязательств (ст. 309.2 ГК РФ), то арендодатель как должник в отношении своей обязанности предоставить возможность и создать условия для благоприятного владения и пользования (или только пользования) объектом аренды должен нести такие расходы сам. Следовательно, все издержки арендодателя (электричество, вода, канализация, газ и т. п.) по умолчанию считаются погашенными в рамках внесения арендатором арендной платы. Главное, чтобы арендатор не выходил за установленные условиями договора аренды пределы и интенсивность использования арендованным имуществом. Однако практика гражданского оборота по договору аренды указывает, что стороны зачастую специально оговаривают бремя несения подобных расходов на исполнение и предусматривают дополнительную плату за издержки, возлагаемую на арендатора, например в виде переменного элемента формулы арендной платы [13].

Общее правило п. 1 ст. 615 ГК РФ о пользовании арендованным имуществом выражается в обязанности арендатора по целевому использованию такого имущества, когда цель использования объекта аренды вытекает из самого характера такого объекта (строительная техника, сельскохозяйственный земельный участок, производственное нежилое помещение и т. п.). Если стороны не определили в договоре аренды цель и специальные условия использования объекта аренды, то закон устанавливает обязанность арендатора использовать такой объект строго по назначению, что в принципе по смысловому содержанию не отличается от характера целевого использования. В результате обязанность арендатора использовать объект аренды строго по назначению главным образом выливается в его пассивную обязанность воздерживаться от использования такого объекта не по назначению. Даже если арендатор в период действия договора аренды захочет изменить назначение объекта аренды, то он не сможет это сделать на законных основаниях в одностороннем порядке – потребуется согласие арендодателя. Главными элементами исполнения такой обязанности арендатора выступают в первую очередь должное содержание и необходимое обслуживание объекта аренды. Объем такого содержания и обслуживания зависит от установленных правил закона, зафиксированных условий договора.

В любом случае арендатору стоит принять должные меры, свидетельствующие о необходимой степени его заботливости и осмотрительности (абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ), чтобы считаться невиновным в случае гибели, утраты или повреждения объекта аренды, избежать ответственности в виде возмещения убытков и иных неблагоприятных имущественных последствий. Должные меры, на которые мы указываем при рассмотрении данной обязанности арендатора, имеет смысл принимать до наступления неблагоприятных для сторон последствий, а не тогда, когда гибель, утрата или повреждение объекта аренды уже случились. Поэтому говорить о состоявшемся гражданском правонарушении со стороны арендатора можно и тогда, когда с объектом аренды еще ничего плохого не произошло, а должные меры по его сохранности не при-

нимаются сейчас. Имеет место являющееся правонарушение в форме бездействия [14].

Закон не возлагает на арендатора обязанности обеспечивать сохранность объекта аренды или тем более гарантировать такую сохранность по аналогии с обязательством профессионального хранителя. Обеспечение сохранности вещи – это та обязанность, которая логически вытекает из предыдущей рассмотренной нами обязанности по должному содержанию и необходимому обслуживанию объекта аренды.

Еще одна важная обязанность арендатора по отношению к арендодателю – возврат объекта аренды арендодателю. Этот вопрос актуален главным образом для посессорной аренды, когда арендатор наделялся правомочием не только пользования, но и владения, т. е. имело место фактическое обладание объектом, даже когда он фактически не использовался. Здесь упор делается на общее правило: в каком состоянии арендатор принимал объект, в таком состоянии он должен его и вернуть. В законе присутствует только небольшая оговорка – с учетом нормального износа. Обстоятельства, которые могут помешать исполнению данной обязанности арендатора, – это случайная гибель объекта аренды или его выкуп.

Правило абз. 1 ст. 622 ГК РФ не конкретизирует исполнение рассматриваемой обязанности арендатора в рамках непосессорной аренды. В такой ситуации остается только предполагать, что арендатор-пользователь должен просто прекратить использование объекта аренды, исключив свой дальнейший к нему доступ.

Мы уже обращали внимание на то, что нормы ГК РФ не обязывают арендатора непосредственно использовать объект аренды, предполагая за ним такое право, поскольку считается, что арендатор платит не за фактическое использование объекта (извлечение из него полезных свойств и качеств), а за предоставление такой возможности, воспользоваться которой арендатор может по своему усмотрению. Но условия договора, обычай, специальные нормы закона, действие принципа добросовестности могут как в совокупности, так и по отдельности обременять арендатора обязанностью все-таки фактически пользоваться объектом аренды. Необходимость использования объекта аренды может быть продиктована вынужденностью ситуации, которая к этому подводит в силу природы самой арендуемой вещи (например, корова, которую нужно постоянно доить, а значит, использовать). Условия договора аренды могут обязывать арендатора использовать такой объект аренды.

Мы также уже обращали свое внимание на то, что форма арендной платы допустима как часть продукции, плодов и доходов арендатора от использования объекта аренды (ст. 614 ГК РФ). В такой ситуации обязанность использования арендованного имущества продиктована существом самого обязательства аренды, поэтому при неисполнении такой обязанности арендатор становится просрочившим и в отношении другой обязанности – внесения арендной платы. Возможные последствия для арендатора – право арендодателя взыскать убытки в полном объеме, вплоть до расторжения договора.

Перечисленные и рассмотренные обязанности арендатора на этом не заканчиваются. Перечень можно продолжить. Например, очень актуальным в последние

годы выглядит условие договора аренды, при котором на арендатора возлагается обязанность внести обеспечительный платеж (ст. 381.1 ГК РФ) и заботиться о его постоянном пополнении [15]. Многие арендодатели заботятся еще и о том, чтобы объект аренды был застрахован, и зачастую возлагают такую обязанность на арендатора [16].

Особенности общего обязательства сторон

Некоторые проблемы и особенности правового регулирования обязательств по договору аренды вынуждают обратить внимание на отдельные моменты, которые касаются обеих сторон одновременно, а не каждой по отдельности. Например, главной составляющей в реализации обязанности по содержанию объекта аренды является его ремонт (ст. 616 ГК РФ). Рано или поздно стороны договора приходят к мысли, что этим вопросом надо заняться.

Поскольку закон допускает нормальный естественный износ объекта аренды (абз. 1 ст. 622 ГК РФ), то говорить об обязанности арендатора производить текущий ремонт с целью устранить последствия такого износа не приходится. В противном случае правила п. 2 ст. 616 и абз. 1 ст. 622 ГК РФ противоречили бы друг другу. По сути, арендатор на протяжении всего договора платит арендодателю не только за удовлетворенность пользованием, но и за такой естественный износ объекта аренды. Получать арендную плату и при этом быть недовольным естественным износом объекта арендодателю не приходится, он просто вынужден претерпевать его. Любые вещи свойственно стареть, изнашиваться, терять былое качество и привлекательность. Поэтому арендатору нельзя вменить правонарушение по договору, выражающееся в возврате вещи ненадлежащего качества, если вещь пригодна для дальнейшего использования по назначению или соответствует условиям возврата, определенным самими сторонами в договоре [17].

То же самое можно сказать и в отношении арендодателя. Он не виноват, что в процессе эксплуатации объект аренды претерпел естественный износ, поскольку это предполагалось с самого начала при передаче объекта арендатору или при обеспечении доступа к этому объекту. Поэтому и арендатор уже не может высказывать арендодателю свое недовольство, что переданная когда-то ему новая вещь приобрела свойства подержанной. Этот факт не может считаться правонарушением со стороны арендодателя, поэтому нет законных оснований арендатору требовать от арендодателя снизить арендную плату за естественный износ объекта аренды и уж тем более требовать за это досрочного расторжения договора.

Со своей стороны, арендатор не может злоупотреблять своим правом вернуть объект аренды, используя выраженные абз. 1 ст. 622 ГК РФ о нормальном износе такого объекта. Например, арендатору ничего не стоит устранить следы загрязнения в арендуемой вещи, учитывая, что приведение объекта аренды в чистое состояние – это элемент его обслуживания, обязанность которого возлагает на арендатора сам закон (п. 2 ст. 616 ГК РФ). Утверждать, что грязный объект аренды – это его естественный износ, в большинстве случаев неоправданно.

Если при эксплуатации объекта аренды арендатор отступает от правила п. 1 ст. 615 ГК РФ, т. е. начинает

использовать вещь не по ее назначению или не в соответствии с характером и существом самого арендного обязательства, что приводит не к естественному, а к избыточному износу объекта аренды, то можно смело говорить о нарушении договора со стороны арендатора. Данное нарушение не позволяет арендатору применить абз. 1 ст. 622 ГК РФ, поскольку износ объекта хоть и выглядит естественным, но его избыточность вызвана нарушением условий использования такого объекта аренды. Например, домашний пылесос по договору проката использовался недобросовестным арендатором в промышленных целях или для оказания услуг клининга третьим лицам.

В рамках данных рассуждений приходится обратить внимание на разграничение естественного износа и выявляющихся недостатков (поломок или повреждений) в объекте аренды, которые главным образом создают препятствия в использовании вещи вообще или настолько сильно снижают эксплуатационные характеристики объекта, что арендатор будет вынужден поднять вопрос об их устранении.

Таким образом, естественный износ, конечно, может сам по себе стать причиной той или иной поломки (повреждения) в объекте аренды, но если указанные недостатки создают объективную невозможность дальнейшего нормального использования арендованного объекта, то, в зависимости от масштаба и серьезности выявленных недостатков, можно говорить уже либо о капитальном, либо о текущем ремонте.

Формулировка правил о капитальном и текущем ремонте, зафиксированных в ст. 616 ГК РФ, позволяет предположить, что закон имеет в виду ситуацию, когда ни арендодателя, ни арендатора нельзя обвинить в нарушении своих обязательств по договору аренды. Поэтому, если выполнение ремонта уже нельзя дальше откладывать, то на стороны арендного обязательства ложится бремя осуществления такого ремонта. В преддверии возложения такого бремени на одну из сторон договора аренды приходится говорить о несении сторонами риска возникновения необходимости проведения ремонта. Если же будет доказано, что данный риск воплотился в реальность из-за ненадлежащего исполнения кем-либо из сторон своих иных непосредственных обязанностей по договору, то налицо правонарушение и наступление ответственности. Все причины невозможности дальнейшего использования объекта аренды должны быть устранены за счет нарушившей свои обязательства стороны договора, независимо от того, какой по характеру предстоит выполнить ремонт – капитальный или текущий. Такой вывод можно сделать на основании системного толкования положений ст. 612, п. 1 и 3 ст. 615 и абз. 1 ст. 622 ГК РФ. Прибегать к такому небесспорному толкованию положений ГК РФ приходится потому, что они не дают никакой характеристики для однозначного отграничения капитального ремонта от текущего и наоборот.

Общие правила об обязанности текущего и капитального ремонта, сформулированные в ст. 616 ГК РФ, носят диспозитивный характер. Специальные правила в отношении отдельных видов договора аренды свидетельствуют о том, что арендодатель может быть обязан проводить текущий ремонт [18; 19], а арендатор – капитальный (ст. 644, 661 ГК РФ). Представляется, что указанные диспозитивные правила о распределении бремени

капитального и текущего ремонта между сторонами договора аренды, сформулированные как в общих нормах о договоре аренды, так и в специальных, могут вызывать серьезную и абсурдную путаницу на практике.

Независимо от того, в капитальном или текущем ремонте остро нуждается объект аренды, арендодатель может вопреки мнению арендатора произвести такой ремонт в целях предотвращения дальнейшего разрушения объекта аренды (абз. 6 п. 1 ст. 612 ГК РФ). Арендатору в таком случае остается согласиться с инициативой арендодателя, тем более что выполнение такого ремонта произойдет за счет последнего.

Заслуживает отдельного внимания формулировка п. 2 ст. 616 ГК РФ, указывающая на обязанность арендатора «нести расходы на содержание имущества» [20]. Видимо, здесь законодатель имеет в виду только те расходы, которые необходимы для обеспечения сохранности объекта аренды, для принятия должных мер и разумных усилий, предотвращающих его повреждение или утрату.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каждой стороне договора аренды при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей приходится сталкиваться с определенными проблемами, которые требуют дальнейшего анализа и разрешения на законодательном уровне.

Арендодателю при реализации своих обязательств по договору аренды приходится сталкиваться с проблемами введения арендатора в состояние фактического обладания объектом аренды или обеспечения фактической доступности к такому объекту, поскольку сам арендатор своими действиями или бездействиями может создавать проблемы для арендодателя, оставаясь при этом надлежаще исполняющей свои обязательства стороной договора.

Арендатору при реализации своих обязательств по договору аренды приходится сталкиваться с проблемами, связанными с надлежащим использованием объекта аренды, балансируя в правовом поле между обязанностью использовать объект строго по целевому назначению и обязанностью по должному содержанию и необходимому обслуживанию объекта аренды. Соблюдение арендатором последней обязанности сталкивается с проблемой обеспечения сохранности такого объекта, поскольку закон не возлагает на арендатора обеспечивающих такую сохранность гарантийных обязательств. Проблемным оказывается и вопрос об обязательном использовании арендатором предоставленного в аренду имущества, поскольку данный вопрос связан не только с реализацией права арендодателя на получение арендной платы, но и с соблюдением прав и законных интересов иных пользователей при передаче в аренду только части такого имущества.

Проблемным аспектом в рамках реализации общей обязанности сторон по содержанию арендованного имущества выступает вопрос о разграничении риска наступления ее объективной необходимости в процессе надлежащего исполнения сторонами условий договора с ответственностью сторон за нарушение таких условий, приведшей к субъективной обязанности нарушителя произвести необходимый ремонт объекта аренды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов В.А. О консенсуальности и реальности договора аренды // Право и экономика. 2015. № 3. С. 54–56. EDN: [TTJRAP](#).
2. Пьянкова А.Ф. Толкование норм о договоре аренды в контексте Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 3. С. 24–29. EDN: [TJUEGB](#).
3. Орлова А.Н. Аренда государственного имущества как элемент системы эффективного управления государственным имуществом в Российской Федерации // Цивилист. 2024. № 5. С. 45–51. EDN: [HHGWCO](#).
4. Богданов Е.В., Богданова Е.Е., Богданов Д.Е. К вопросу о правовой природе субъективных прав арендатора // Юрист. 2016. № 9. С. 23–29. EDN: [WBGKTV](#).
5. Громов А.А. Последствия необоснованного отказа арендатора принять объект аренды. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 26.06.2020 № 305-ЭС20-4196 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 11. С. 4–37. EDN: [PCODTB](#).
6. Григорьян Д.В. Обязательственные начала в вещном праве: немецкий подход // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 12. С. 114–161. DOI: [10.37239/2500-2643-2022-17-12-114-161](#).
7. Ильин И.А., Москвичев А.Ю. Особенности договора аренды транспортных средств в Российской Федерации // Транспортное право. 2021. № 1. С. 25–28. EDN: [ZBHOJU](#).
8. Чиневич Е.В. Значение передаточного акта в арендных правоотношениях // Вестник арбитражной практики. 2022. № 6. С. 78–82. EDN: [RUTPPU](#).
9. Костина О.В., Комиссаров С.С. Понятие и правовая природа института владения: факт или право // Нотариус. 2023. № 1. С. 24–27. EDN: [OBHGCU](#).
10. Кусков А.С., Сирик Н.В. Правовое регулирование иной деятельности по организации путешествий // Право и экономика. 2020. № 6. С. 25–33. EDN: [LBJFRF](#).
11. Самигулина А.В. Защита прав и освобождение от ответственности за ненадлежащее исполнение обязательств арендатора в условиях режима самоизоляции // Вестник арбитражной практики. 2021. № 6. С. 81–89. EDN: [FWLLEL](#).
12. Мосьпан В.В. Актуальные проблемы исполнения договоров аренды недвижимого имущества // Современное право. 2024. № 8. С. 56–59. DOI: [10.25799/NI.2024.62.76.010](#).
13. Бразовская Я.Е., Кадовб Н.С. Определение обоснованной арендной платы за пользование гидротехническими сооружениями морских портов в Российской Федерации // Транспортное право. 2024. № 1. С. 21–24. DOI: [10.18572/1812-3937-2024-1-21-24](#).
14. Сбитнев В.С. Правовая природа охранного обязательства как существенного условия договора аренды объектов культурного наследия // Хозяйство и право. 2024. № 4. С. 101–112. DOI: [10.18572/0134-2398-2024-4-101-112](#).
15. Солдатова В.И. Обеспечительный платеж в договоре аренды // Актуальные проблемы российского

- права. 2017. № 8. С. 63–68. DOI: [10.17803/1994-1471.2017.81.8.063-068](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.81.8.063-068).
16. Рашупкина Л.В., Шоргина Е.В. Аренда имущества для государственных и муниципальных нужд: правовые проблемы и перспективы развития // Юрист. 2021. № 3. С. 7–12. EDN: [OKCYHS](https://elibrary.ru/okcyhs).
 17. Вавилин В.Е. Договор каршеринга в России и за рубежом: развитие института // Хозяйство и право. 2024. № 6. С. 95–107. DOI: [10.18572/0134-2398-2024-6-95-107](https://doi.org/10.18572/0134-2398-2024-6-95-107).
 18. Мальцева Т.Г. Договор поминутной аренды транспортных средств (каршеринг) // Транспортное право. 2024. № 3. С. 16–19. DOI: [10.18572/1812-3937-2024-3-16-19](https://doi.org/10.18572/1812-3937-2024-3-16-19).
 19. Белов В.А. Договор проката: видовая договорная категория или элемент юридической техники? // Вестник арбитражной практики. 2017. № 3. С. 26–38. EDN: [ZCHQZJ](https://elibrary.ru/zchqzj).
 20. Богачева Т.В. Правовое регулирование отношений по возмещению стоимости неотделимых улучшений арендованного имущества: проблемы правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10. С. 63–71. DOI: [10.17803/1994-1471.2017.83.10.063-071](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.83.10.063-071).
 7. Ilin I.A., Moskvichev A.Yu. Peculiarities of a vehicle rent agreement in the Russian Federation. *Transportnoe pravo*, 2021, no. 1, pp. 25–28. EDN: [ZBHJUJ](https://elibrary.ru/zbhjuj).
 8. Chinchevich E.V. The importance of a transfer deed in lease relationships. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki*, 2022, no. 6, pp. 78–82. EDN: [RUTPPU](https://elibrary.ru/rutppu).
 9. Kostina O.V., Komissarov S.S. The concept and legal nature of the ownership institution: a fact or a right. *Notarius*, 2023, no. 1, pp. 24–27. EDN: [OBHGCU](https://elibrary.ru/obhgcu).
 10. Kuskov A.S., Sirik N.V. Legal regulation of other activities on travel services. *Pravo i ekonomika*, 2020, no. 6, pp. 25–33. EDN: [LBJFRF](https://elibrary.ru/lbjfrf).
 11. Samigulina A.V. Protection of rights and exemption from liability for improper performance of the obligations by a tenant under the lockdown restrictions. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki*, 2021, no. 6, pp. 81–89. EDN: [FWLLEL](https://elibrary.ru/fwlllel).
 12. Mospan V.V. Actual problems of execution of real estate lease agreements. *Sovremennoe pravo*, 2024, no. 8, pp. 56–59. DOI: [10.25799/NI.2024.62.76.010](https://doi.org/10.25799/NI.2024.62.76.010).
 13. Brazovskaya Ya.E., Kadovb N.S. Determination of a justified rental fee for the use of hydraulic engineering facilities of marine ports in the Russian Federation. *Transportnoe pravo*, 2024, no. 1, pp. 21–24. DOI: [10.18572/1812-3937-2024-1-21-24](https://doi.org/10.18572/1812-3937-2024-1-21-24).
 14. Sbitnev V.S. The legal nature of a conservation obligation as a material condition of a cultural heritage site rent agreement. *Khozyaystvo i pravo*, 2024, no. 4, pp. 101–112. DOI: [10.18572/0134-2398-2024-4-101-112](https://doi.org/10.18572/0134-2398-2024-4-101-112).
 15. Soldatova V.I. Security deposit in the lease agreement. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2017, no. 8, pp. 63–68. DOI: [10.17803/1994-1471.2017.81.8.063-068](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.81.8.063-068).
 16. Rashchupkina L.V., Shorgina E.V. Challenging issues of property lease for state and municipal needs. *Yurist*, 2021, no. 3, pp. 7–12. EDN: [OKCYHS](https://elibrary.ru/okcyhs).
 17. Vavilin V.E. A car sharing agreement in Russia and abroad: development of the institution. *Khozyaystvo i pravo*, 2024, no. 6, pp. 95–107. DOI: [10.18572/0134-2398-2024-6-95-107](https://doi.org/10.18572/0134-2398-2024-6-95-107).
 18. Maltseva T.G. Agreement of rent of transport vehicles by the minute (carsharing). *Transportnoe pravo*, 2024, no. 3, pp. 16–19. DOI: [10.18572/1812-3937-2024-3-16-19](https://doi.org/10.18572/1812-3937-2024-3-16-19).
 19. Belov V.A. Hiring contract: specific contractual category or legal writing element? *Vestnik arbitrazhnoy praktiki*, 2017, no. 3, pp. 26–38. EDN: [ZCHQZJ](https://elibrary.ru/zchqzj).
 20. Bogacheva T.V. Legal regulation of reimbursement of the cost of inseparable improvements to leased property: problems of law enforcement. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2017, no. 10, pp. 63–71. DOI: [10.17803/1994-1471.2017.83.10.063-071](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.83.10.063-071).

REFERENCES

1. Belov V.A. About consensual and reality nature of lease contract. *Pravo i ekonomika*, 2015, no. 3, pp. 54–56. EDN: [TTJRAP](https://elibrary.ru/ttjrap).
2. Pyankova A.F. Interpretation of lease agreement norms in the context of ruling no. 16 dd. March 14, 2014 of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation “On freedom of contracts and its limits”. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*, 2015, no. 3, pp. 24–29. EDN: [TJUEGB](https://elibrary.ru/tjuegb).
3. Orlova A.N. Lease of state property as an element of the system of effective management of state property in the Russian Federation. *Tsivilist*, 2024, no. 5, pp. 45–51. EDN: [HHGWCO](https://elibrary.ru/hhgwco).
4. Bogdanov E.V., Bogdanova E.E., Bogdanov D.E. Revisiting legal nature of subjective rights of the tenant. *Yurist*, 2016, no. 9, pp. 23–29. EDN: [WBGKTY](https://elibrary.ru/wbgkty).
5. Gromov A.A. Consequences of the tenant’s groundless refusal to accept the object of the lease. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*, 2020, no. 11, pp. 4–37. EDN: [PCODTB](https://elibrary.ru/pcodtb).
6. Grigoryan D.V. The influence of law of obligations on property law: the German approach. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*, 2022,

Some special aspects in the obligations of the parties to the lease agreement

Igor V. Mashtakov, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair “Civil Law and Procedure”

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

E-mail: i.mashtakov@tltu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3797-9158>

Received 21.01.2025

Revised 11.02.2025

Accepted 07.03.2025

Abstract: Today, the general and special provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the lease agreement provide a possibility to distinguish some special aspects in the obligations of the parties, which may indicate certain problems when complying with such obligations. Therefore, the author tried to identify the problems associated with this and subjected the main obligations of the parties to the lease agreement to a certain analysis. As a result, the issues associated with the achievement of the main user effect by the parties to the lease agreement, allowing the lessor and the lessee to be satisfied with the concluded agreement, came into focus of the author. Mainly by means of the formal-legal method of research, methods of system and comparative analysis, the author discovered some problems associated with the obligations of the lessor to create and ensure conditions for the proper possession and use of the leased property, as well as the obligations of the lessee for conforming use of such property, its proper maintenance and necessary service. The obtained results of the study allow the author to say that the norms of civil legislation on lease can be specified in the sphere of the lessee's implementation of his obligation for proper use of the leased property, taking into account the counter specification of the lessor's obligation to create and provide appropriate conditions for this. The author came to the general conclusion that the proposed specification of the provisions of civil legislation cannot be completely replaced at the discretion of the parties in the lease agreement. The main result of the study is that the problem of improper use or actual non-use of property during the term of the lease agreement creates certain difficulties for the lessor, which could be avoided by more detailed legal regulation of the relevant obligations of the lessee, as well as some general obligations of the parties to the agreement.

Keywords: lease; lessor; lessee; possession; use; possessory lease; non-possessory lease; leased property; natural wear and tear; current repair; capital repair.

For citation: Mashtakov I.V. Some special aspects in the obligations of the parties to the lease agreement. *Jus strictum*, 2025, no. 1, pp. 31–39. DOI: 10.18323/3034-2945-2025-1-60-4.

НАШИ АВТОРЫ

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент,
директор Института права.
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: svetlana-vershinina@yandex.ru

Корчагина Кристина Александровна, старший преподаватель
кафедры «Уголовное право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: kris.alexandrovna1992@yandex.ru

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор.
Адрес: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: lazareva.va@ssau.ru

Маштакوف Игорь Владимирович, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Гражданское право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: i.mashtakov@tltsu.ru

OUR AUTHORS

Korchagina Kristina Aleksandrovna, senior lecturer
of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: kris.alexandrovna1992@yandex.ru

Lazareva Valentina Aleksandrovna, Doctor of Sciences (Law), Professor.
Address: Academician S.P. Korolev Samara National Research University,
443086, Russia, Samara, Moskovskoye Shosse, 34.
E-mail: lazareva.va@ssau.ru

Mashtakov Igor Vladimirovich, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair “Civil Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: i.mashtakov@tltsu.ru

Vershinina Svetlana Ivanovna, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor,
Director of the Institute of Law.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: svetlana-vershinina@yandex.ru

Фото на обложке: А. Чернявский.